

Тариф на предательство

Автор:

Виктория Серебрянская

Тариф на предательство

Виктория Серебрянская

Все в этой жизни имеет свою цену. Впервые я отчетливо поняла это когда нечаянно встреченный мною в торговом центре вампир любезно объяснил мне, что моя жизнь уже оплачена. Что пятнадцать лет назад ее выкупил у него мой отчим, отдав за это свою кровь. Всю, до последней капли. Впрочем, и встреча в торговом центре тоже не случайна. И имеет свою цену. Смогу ли я расплатиться по счетам? Жизнь покажет. Не даром говорят: бери от этой жизни все, что захочешь. Бери, и плати за это.

Первая книга дилогии.

Виктория Серебрянская

Тариф на предательство

Пролог

Голод. Как много граней и оттенков в одном этом слове. Голод может быть таким разным, таким многоликим. Но в итоге за всеми его масками скрывается одно – жажда поглощения. Не важно чего: пищи, ласки или жизненных сил.

В этом проклятом, лишенном даже малейших крупиц магии, техногенном мире голод был диким зверем, терзающим жестоко и без жалости. Голод был монстром, едва ли не более страшным, чем он сам. В условиях полного отсутствия магии утолить голод было практически невозможно. Можно было лишь заглушить на время. Обмануть. Усыпить на короткий период. Но он всегда возвращался, беспощадно мстя. Подчиняя себе, поработывая. Требуя все новых и новых жизненных сил. Чужих жизненных сил. И ему снова приходилось выходить на охоту. Ненавидя себя за эту слабость. И не имея сил не подчиниться.

Сколько он уже жил в этом мире? Сотню лет? Тысячу? Он давно уже сбился со счета. Но все еще не утратил надежды однажды найти ключ к воротам в собственный мир. В мир, богатый магией. Где ему не придется, как самому ничтожному из существ, отнимать чужие жизни, чтобы спасти свою. Где у него будет собственный дом. Где не придется скитаться с места на место, подобно нищему. Мир, в котором ему не придется унижаться, подстраиваясь под чужие реалии. Мир, дорогу в который он безуспешно ищет уже многие десятки лет. Но, как здесь говорят, кто ищет, тот всегда найдет. И однажды ему повезет.

Сегодня как раз подходящая ночь для поисков. День всех святых, как его тут называют, умирая, настолько истончает стенки миров, что ему иногда кажется, будто в этот обездоленный мир в эти мгновения просачиваются драгоценные частицы магии. Это обман, конечно. Иллюзия. Но, если найти сильную ведьму, то открыть врата в другой мир не составит никакого труда. Надо только ее найти.

К тому же, сегодня полнолуние Кровавой луны. В его родном мире особая магия этих часов сводила оборотней с ума. И наполняла магов неповторимой силой багровой магии. Магии, которая наполняла эфир очень короткое время под светом Кровавой луны.

Он поднял голову и посмотрел на низкий хмурый лик ночного светила. Скоро все начнется. И если боги этого мира хоть чуть-чуть будут к нему благосклонны, то скоро он перестанет их раздражать своим присутствием и сокращать поголовье их почитателей. Скорее бы. Он решительно сделал шаг в пустоту и изящно спрыгнул с крыши обшарпанной пятиэтажки, в которой обитал последние пару месяцев. Сильные ноги легко спружинили, гася инерцию прыжка. Когда он выпрямился, то увидел парочку местных пьянчужек, которые улепетывали от него на всех парах, мгновенно протрезвев от увиденного. Он хмыкнул им вслед. Живите. Сегодня не до ваших жалких жизней.

Глава 1

Злость распирала меня изнутри. Бурлила и кипела, требуя выхода. Я поддела носком кроссовка валявшуюся на дороге жестянку из-под энергетика и, вымещая злость, с такой силой ее пнула, что несчастную банку искорежило. При виде полученного результата я злобно хмыкнула. Неплохо было бы, если бы на месте этой проклятой жестянки оказалась Аникеева. И жаль, что это совершенно не реально.

Мы втроем: я, Янка Аникеева и Лизка Захарова, собирались как следует отметить Хэллоуин. План был грандиозным. И первоначально в нем должны были принять участие все наши одноклассники. Но, как всегда бывает в таких случаях, все рухнуло. Кого-то не отпустили предки. Кто-то сам сдрейфил наряжаться нечистью и намеренно себя уродовать. Так что остались только мы трое. Помнится, Янка только презрительно фыркнула. Типа, ну и ладно, нам же лучше! Меньше народу, больше кислороду!

В итоге было решено, что я и Лизка нарядимся ведьмами. А Аникеева будет изображать пойманную нами вампиршу. И почему я позволила себя уговорить? Почему даже ни на секунду не задумалась, как я буду выглядеть рядом с высокой, тощей и нескладной Захаровой? Наверное, потому, что предполагалось чудить втроем, без одноклассников. Но опять-таки, о том, что никого кроме нас не будет, нам сказала Аникеева. И где была моя голова? Почему я безоговорочно поверила Янке? Я сама не знала.

Я ухлопала несколько часов, чтобы жестко начесать свою шевелюру. А потом это воронье гнездо в нескольких местах перехватила обрывками пеньковой веревки, стыренной у отчима, образовав чуть ли не десяток кривых хвостов-пальмочек. Одолжив у Янки черный косметический карандаш и тушь, я густо намалевала глаза. И, за неимением черной помады, тем же карандашом подвела губы. Получившаяся образина ужаснула меня саму. Но Аникеева залихватски выбросила вперед два больших пальца и закатила глаза от восторга. Я растаяла. Дура.

Для завершения образа поверх черных джинсовых штанов и черного же гольфика я натянула раздобытый где-то вездесущей Аникеевой огромный дерюжный мешок с дырками для головы и рук. Подпоясала все это безобразие остатками честно прихватизированной веревки. И сочла себя крутой ведьмой.

Высоченная, без малого метр девяносто, Захарова соорудила себе подобие юбки из двойника моего платья. А сверху натянула темную вязанную кофту своей прабабки. Поскольку Захарова стриглась очень коротко, выбривая себе затылок, на нее натянули «настоящий» ведьминский колпак, купленный все той же Аникеевой на какой-то барахолке.

Сама же Янка осталась в любимых брючках из искусственной кожи и сильно декольтированном темно-синем топе. Из нас троих она была наиболее одаренной матушкой-природой. И я всегда с тайной завистью наблюдала, как пацаны ощупывают взглядами ее третий размер. А сегодня Аникеева, кажется, еще и пуш-ап натянула, заставив меня скрипнуть зубами от зависти.

Весь «костюм» Янки состоял из пластмассовых клыков, которые она охотно демонстрировала, скалясь в улыбке. Учитывая, что губы она аккуратно обвела кроваво-красной помадой, смотрелось очень эффектно. Я опять ей позавидовала. У меня не было такой эффектной внешности, как у Аникеевой.

Впрочем, зависть выветрилась из моей головы почти сразу. Мы пошли хулиганить в частный сектор по направлению к городскому парку. Звонили в звонки и домофоны, дразнили собак, колотили по воротам и ограждениям, требуя традиционное «Гадости или сладости!». В основном, народ предпочитал от нас откупаться. И к моменту выхода к парку у нас набрался почти полный рюкзак конфет, печенья, шоколадок и прочих пустых углеводов. А также нам перепала некоторая сумма денег, которая осела у Аникеевой. Янка подмигнула, засовывая купюры в карман куртки. Мол, на вкусные напитки!

Нам было весело. Мне было весело. Но ровно до того момента, как у входа в парк мы столкнулись с нашими одноклассниками. Я в первый момент глазам своим не поверила и повернулась к Янке, чтобы позубоскалить над ее шпионским провалом. Не смогла даже узнать, что наши пацаны все же пойдут гулять в парк! Хорошо, что мы столкнулись!

Я постаралась как можно незаметнее проверить свой костюм. Но Захарова заметила и поинтересовалась:

- Ты чего мечешься?

Я почувствовала, как загорелись щеки. Такта в двухметровой Лизке не больше, чем у жирафа. Хорошо хоть еще никто не услышал! Ответить постаралась, как можно равнодушнее:

- Проверяю костюм. А то хороша будет ведьма с веревкой утопленника.

Захаров внимательно окинула меня взглядом:

- Ага, ты, как всегда, права. Вон, один хвост развязался! Давай помогу затянуть.

Я испуганно схватилась за голову и не раздумывая согласилась:

- Давай, затяни потуже!

Лизке с ее ростом тянуться не пришлось. Пока она изображала заботливую мамашу, я нервно кусала губы, уничтожая праздничный грим. Никиту я что-то не заметила. Неужели он остался дома?

Никита Войновский еще один мой одноклассник. Мы проучились бок о бок с первого класса, взаимно игнорируя друг друга. Но в этом году, после летних каникул, я как-то по другому его увидела. Из тощего и нескладного заморыша он вдруг превратился для меня в прекрасного принца. За лето он вытянулся, сильно загорел и несколько раздался в плечах. Неожиданно я заметила, что его глаза вовсе не бесцветные, а очень красивого серо-стального оттенка. Когда Никита смеялся, его глаза сверкали алмазами. Всегда очень коротко и аккуратно подстриженный, с летних каникул Никита пришел вдруг изрядно заросшим. И теперь его темно-русые вихры так и манили меня зарыться в них пальцами. Окончательно я потеряла покой две недели назад.

Наша математичка в наказание за наше поведение решила провести первую промежуточную контрольную. Как она выразилась «чтобы встряхнуть нас и напомнить, что учебный процесс идет уже полтора месяца». Пол класса от

ужаса тут же впала в тихую истерику. Увы, но к этой половине принадлежала и я. С математикой я не ладила. Точные науки давались мне с огромным трудом. Узнав, что меня ожидает, я просто сползла по стенке на пол, закатив глаза. Была у меня слабая надежда на то, что решат будто мне плохо. И отпустят хотя бы с контрольной. Но не тут-то было. Математичка оказалась настроена воинственно. Пришлось мне вместе со всеми плестись в класс. Как на виселицу. Честное слово.

Я уже предвкушала неприятный разговор сначала с математичкой, а потом с отчимом, когда за парту рядом со мной опустился Никита и тихо шепнул:

- Не трись. Помогу.

И подмигнул своим невероятным серебристым глазом.

Никита действительно мне помог. И я даже получила хорошую оценку. Но я с тех пор пропала. Я выглядывала Никиту везде. Старалась стать ли сесть к нему поближе. Радовалась каждой его улыбке. Каждому слову, сказанному мне. У меня были очень большие планы на этот Хэллоуин.

- Оуууу! А кто это у нас тут? Неужто сама Шапокляк Лариску принаряжает к празднику?

От протяжного глумливого голоса Кольки Самохина подскочила не только я. Захарова отшатнулась от меня так, словно увидела перед собой зомби. И густо залилась краской. Ой, дураааа! Нашла в кого втюхаться! Я с трудом проглотила смешок. Неудобно как-то смеяться человеку в лицо. В следующую минуту мне стало совсем не до смеха.

- Никитос, глянь, Шапокляк и ее верная Лариска! Гы-гы-гы!

Самохин противно заржал, тыча в нас с Захаровой пальцем. Из тени, не замеченный мною до сих пор, вперед вдруг шагнул Никита. И Самохин, со всеми его дурацкими шутками и подколками, тут же был мною забыт. Сердце в груди радостно трепыхнулось. Губы сами собой начали растягиваться в улыбку. Никита хмыкнул:

– Колян, куда ты смотришь? Какая же это Шапокляк? Это эти, как их... – Никита пощелкал пальцами, вспоминая. – Родоки у меня увлекаются такой древностью. О! Вспомнил! Тарапунька и Штепсель!

Все заржали. Откуда-то из-за спины прилетело обидное:

– Барахолка!

Я не поняла, кто это ляпнул. Но хуже всего, что Аникеева неожиданно отошла от нас и присоединилась к ржущим одноклассникам. Никита по-хозяйски подгреб ее к себе поближе, крепко прижимая к боку. Янка широко ему улыбнулась, блеснув искусственными клыками на фоне ярких влажных губ. Как в кошмарном сне я с ужасом и отвращением наблюдала как Никита склоняется к ней с совершенно недвусмысленным намерением. Медленно, картинно, хищно.

В реальность меня вернул сильнейший рывок:

– Я тоже так хочу!

С трудом удержав равновесие, я с отвращением увидела прямо у своего лица карикатурно вытянутые трубочкой губы незнакомого мне пацана. Я отшатнулась. И поняла, что меня крепко держат за руку повыше локтя. Отвратительные губы все приближались. Я быстро оглянулась. На меня никто совсем не обращал внимания. Часть одноклассников уже была в парке. Захарова о чем-то трепалась с Самохиным. А мне в плечо впились цепкие пальцы незнакомца. Внутри меня схлестнулись отвращение и страх. Я не хочу!

Отчим всегда учил в таких случаях не цепенеть. Все, что угодно, только не ждать покорно уготованную мне участь. Я дернулась. Чужие пальцы сжались еще сильнее. Беспомощно оглянувшись, я вдруг заметила Аникееву. Янка стояла чуть в стороне и снимала меня на камеру, глядя с жадным любопытством. Меня накрыло бешенство.

Я плохо понимала, что я делаю. Мной двигало одно желание: освободиться, не стать потехой для других.

Удерживающий меня силой был уже настолько близко что, отворачиваясь от Аникеевой, я мазнула щекой по его губам. Вдохнув резкий запах чужого пота, я завизжала. На всю мощь своих легких. На ультразвуке. Прямо ему на ухо.

Не ожидавший подлянки парень выпустил мою руку и отшатнулся от меня, схватившись за ухо:

- Идиотка!

Краем глаза заметив какое-то движение, я нырнула вниз. Как учил отчим. Перед глазами промелькнул кулак. Пацан не удержал равновесие и улетел куда-то в темноту, запутавшись в собственных ногах. Оттуда полетел отборный мат. А я метнулась в сторону опешившей Аникеевой. Все мои инстинкты вопили о том, что нужно уносить ноги. Но оставить все просто так я не могла. Не хочу, чтобы завтра в меня тыкали пальцем и называли барахолкой все, кому ни лень. Поэтому просто выбила телефон из рук бывшей подруги и наступила на него. Нечаянно.

Теперь уже орала Аникеева. Я даже не подозревала, что Янка знает такие выражения. Любо-дорого слушать. Только нет времени. На визг одноклассницы стали подтягиваться пацаны. Понимая, что за мою выходку меня просто прибьют, я бросилась бежать.

Я бежала, пока хватало дыхания, стараясь не высовываться в свет редких фонарей. Хотя, и без них на улице было достаточно светло. Ночь стояла ясная. Без малейшего облачка. И над городом висела огромная равнодушная луна.

Когда от бега закололо в боку, а я захрипела, как старый астматик, пришлось остановиться. Укрывшись в тени какого-то забора, я несколько минут стояла согнувшись, пытаюсь отдышаться. Убегая, я петляла как перепуганный заяц. И теперь с изумлением поняла, что оказалась на заброшенной стройке позади моего дома. Днем я никогда не боялась тут гулять. У нас очень спокойный район. Да и городишко небольшой. Моего отчима знают многие. Так что я чувствовала себя почти везде в безопасности. Но сейчас, в призрачном лунном свете все казалось каким-то... зловещим. Мертвую тишину нарушало только мое хрипящее дыхание. С трудом заставив себя задержать вдох, я буквально оглохла от нахлынувшей тишины. И нервно оглянулась. Что не так? Почему так тихо? Здесь совсем рядом дорога. Но почему-то не слышно проезжающих машин. Сбоку от

моего дома есть небольшая кафешка, больше тянущая на низкопробный грязный бар. Там всегда шумно в это время и играет музыка. Но сейчас оттуда тоже не доносится ни звука. Я поежилась, невольно втягивая голову в плечи. Либо я рехнулась. Либо все ужасы, рассказываемые про День Всех Святых не такие уж и сказки. В любом случае, нечего здесь торчать.

И я снова сорвалась в забег. Но уже куда более осторожно. Ясно было, что одноклассники меня не преследуют. Поэтому здесь и сейчас их бояться не стоит. А потом разберусь. Конечно, придется все рассказать отчиму. Особенно, про телефон. Мне влетит. Это ясно, как белый день. Может, даже опять попаду под домашний арест. Но это лучше, чем быть всеобщим посмешищем после выложенной в сеть видеозаписи.

Я благополучно выбралась со стройки и перебежала странно пустую дорогу. Неужели уже так поздно? Да не может быть. Вон, в нашем доме практически все окна светятся. Наверняка, сейчас еще детское время.

Так я себя успокаивала. Но странная давящая тишина нервировала все больше. Все замерло, затаилось. Как будто в ожидании чего-то ужасного. Я порывисто прибавила шагу.

До подъезда оставалось всего несколько метров, когда моего затылка коснулся странный сквознячок. Словно что-то мимо пролетело на большой скорости. Я вздрогнула и запнулась. Снова сквознячок. На этот раз сбоку. И вдобавок, краем глаза я заметила в той же стороне какое-то движение. Недовольно зашелестела опавшая листва. По моей спине пробежала холодная струйка:

- Кто здесь?

От страха голос охрип. И я сама его не узнала. Ноги словно вросли в асфальт. Подъездная дверь была совсем рядом. Над ней горит фонарь. За ней покой и безопасность. Но я не могла заставить себя даже сдвинуться с места.

И снова неясное смазанное движение. На этот раз прямо передо мной. Удар. Звон. И единственный островок электрического света перестал существовать. Кто-то разбил фонарь.

Я осталась стоять, залитая мертвым светом полной луны. Натянутые до предела нервы сиреной вопили про опасность. Но я все еще не могла заставить себя сдвинуться с места.

Снова зашелестели опавшие листья. Но как-то странно. Неравномерно. Словно тихо шептали. Или шипели. Я прислушалась. И похолодела. Нет, это не листья шелестят. Это действительно кто-то шипит:

– Ссслааадкая, шшшжиивааая, вкуссссснааааяяя.

Ужас захлестнул меня с головой. И я наконец-то вернула себе способность двигаться. Сорвалась с места и бросилась к подъезду так, словно за мной черти гнались. А может, так и было? Не знаю. Я ничего не успела понять. Просто со всего маха на третьем шаге впечаталась во что-то очень твердое, холодное. И подозрительно живое.

Силой удара меня откинуло в сторону. Не удержавшись на ногах, я смачно шлепнулась на попу, инстинктивно опершись на руки. Сверху меж моих расставленных ног, прямо на мешковину моего «платья», упало что-то длинное и непонятное. Лунного света не хватало рассмотреть свое приобретение. Но я готова была поклясться, что это нечто слабо трепыхается.

В этот момент во двор въехала машина и осветила меня фарами. Я глянула вниз. И заорала, срывая голос. У меня на коленях лежала человеческая рука, покрытая коркой запекшейся крови и чем-то еще.

Я орала и орала, не имея сил заткнуться. Дрожа от отвращения. Больше всего на свете желая избавиться от страшной находки. Где-то далеко, словно на другой планете, хлопнула дверца машины. Как сквозь вату до меня долетел знакомый голос:

– Вы охренели?! Что вы тут за спектакль устроили?!!

Отчим. Его руки вздернули меня вверх, ставя на ноги. Обрубок руки скатился куда-то вниз и исчез из моего поля зрения. Стало немного легче. Отчим прижал меня к себе, поглаживая по волосам:

– Все, Ань, тише. Уже все закончилось. Это просто дурная шутка моих сослуживцев.

Я икнула:

– Он...на? Не... настоящая?

– Нет, девочка. Просто реквизит, используемый для учений. Все хорошо. Не бойся. Я им головы за эту дурость поотрываю.

Отчим гладил меня по спине и что-то еще продолжал бормотать. Я уже не вслушивалась. Для меня было главное, что опасности нет. И меня никто не тронет.

Отчим осторожно меня отстранил:

– Ань, иди домой. Мне нужно машину загнать в гараж. Я скоро приду.

Я послушно кивнула и на автомате повернулась к подъезду. И застыла. У нас за спиной стоял странный человек. Свет фар его не касался. В лунном свете его кожа казалась кристально-белой. Темные, словно испачканные чем-то губы кривились в страшной ухмылке. У меня сердце в пятки провалилось. Но даже пискнуть я не успела.

Где-то у въезда во двор взвился крик, переходящий в хрип:

– Вамххррр...

Рядом с моим ухом что-то вжикнуло. Я отшатнулась. И увидела отчима с небольшим арбалетом в руках. Летом мы с ним часто по выходным развлекались с этой игрушкой в лесу или на даче у тети Наташи, сестры отчима.

Это что же, дядя Толя только что стрелял из арбалета? Я медленно повернулась в сторону странного человека. Но его за спиной уже не было. Я снова повернулась к отчиму и тут же увидела того странного человека. Он стоял уже за спиной дяди Толи и тянулся руками с огромными когтями к его шее. Когти? У меня точно глюки. Так не бывает в жизни! Это страшный сон. Или идиотский

розыгрыш. Я отчаянно замотала головой, желая избавиться от наваждения.

Отчим дернулся при виде моих ужимок и резко развернулся назад, с сухим щелчком взводя спусковой рычаг арбалета. Но он не успевал. Я ясно это видела. На секунду быстрее странный мужчина вдруг взял и просто воткнул руку с огромными когтями дяде Толе в грудь. Раздался глухой чавкающий звук. Отчим захрипел и нажал на спуск.

На таком расстоянии промахнуться не реально. Арбалетный болт коротко чвакнув вошел в чужое тело. И пугающий незнакомец вдруг на моих глазах начал пылью осыпаться к ногам отчима.

У меня уже не было сил кричать. Я смотрела на этот ужас молча. Широко открыв глаза. Глухо стукнул о землю арбалет. Отчим зашатался и начал оседать. Я было бросилась к нему. Но на моем пути вдруг снова выросла фигура. Холодные сильные руки вцепились в меня, ломая ребра. Что-то хрипел отчим. А я в ужасе смотрела на перекошенную кровавую маску, заменяющую незнакомцу лицо.

Неожиданно прямо из воздуха возникли две руки и ухватили жуткую голову. Раздался сухой хруст. Сила, сдавливающая мне ребра, исчезла. И этот незнакомец стал осыпаться пылью к моим ногам. словно это не человек, а песчаная фигурка.

- Цела?

Я ошеломленно смотрела на незнакомца и не могла выдавить из себя даже звука. Он хмыкнул и повернулся к отчиму:

- А тут что?

Дядя Толя попытался что-то сказать, хрипя и булькая. От этих звуков у меня мороз пошел по коже. Я осторожно обогнула незнакомца. Вернее, попыталась это сделать. Точно выброшенная в мою сторону рука перехватила меня:

- Тебе не стоит на это смотреть.

Я замерла. Но вся обратилась слух. Отчим говорил тихо и невнятно. Я поняла, что он обращается к незнакомцу:

– Все-таки вы существуете...

Незнакомец промолчал.

– Ты знаешь, что это за девочка.

Кивок головы стоящего передо мной мужчины и страшный хрип отчима. Я похолодела. Но это был еще не конец. Дядя Толя заговорил снова:

– Поклянись, что сбережешь ее! Поклянись, что моя дочь будет жить! И можешь забрать всю мою кровь.

У меня челюсть отвалилась. О чем это он? Незнакомец очевидно прекрасно понимал, о чем речь. Потому что с любопытством, по-птичьему наклонил голову. Его голос оказался неожиданно глубоким и чарующим:

– Зачем мне это?

– У меня тоже есть сила. А она тебе нужна. Да и талант моей дочери тоже нужен. Не зря же ты тут оказался.

Незнакомец хмыкнул:

– Ты мне нагло врешь. Твоя девчонка самая обыкновенная. В ней нет ни грана силы. Я это чувствую. Какой мне смысл с ней возиться?

Я все же нашла в себе силы хоть немного сдвинуться в сторону. Чтобы видеть дядю Толю. Почему-то мне это сейчас казалось крайне важным. Отчим дышал очень тяжело, надрывно. У меня сердце оборвалось, когда он прохрипел:

– У меня мало времени! Решайся! Тебе ведь это ничего не будет стоить!

– Что мне помешает выпить сначала тебя, потом девчонку?

– Я вижу, что старые сказки не врут. Значит, тебе помешает твоя клятва.

Незнакомец снова хмыкнул. Посмотрел на луну и кивнул:

– Ладно, охотник, ты меня подловил. Будет мне лекарство от скуки в вашем паршивом мире. Я клянусь кровью, девчонка будет жить!

Как только мужчина проговорил последнюю фразу, налетел откуда-то ветерок. По фигуре мужчины и отчима пробежали огоньки. Отчим удовлетворенно захрипел. И я заметила, что он как-то странно расслаблено откинул в сторону голову. В голове мелькнула какая-то мысль. Но я сама не поняла какая. Просто в следующий момент незнакомец склонился над дядей Толей. В свете фар сверкнули... клыки? Я икнула. А незнакомец змеиным движением головы нырнул вниз и впился отчиму в шею. Раздался влажный чмокающий звук. Я с ужасом поняла, что этот ненормальный высасывает у отчима кровь. Дядя Толя не сопротивлялся. Только что-то тихо хрипел, глядя на небо.

Мир наконец померк у меня перед глазами. Последнее, что я заметила, падая на землю, это огромный багровый диск луны над головой.

Глава 2

Спустя пятнадцать лет

Вся моя жизнь – это один сплошной трэш. От злости на саму себя рука сжалась куда сильнее, чем следовало, сгребая в охапку уже не нужные венки с могилы. И проклятые мертвые цветы не замедлили отомстить. Проволока, соединяющая в кучу все это унылое великолепие, впилась мне в ладонь. Я с шипением отдернула руку, роняя уже собранное. На коже заалела кровь.

– Отлично, черт возьми! Прекрасное продолжение не менее чудесного дня!

От моей эмоциональной тирады с ближайшей могилы за спиной с хриплым карканьем взлетела ворона. Я даже присела от неожиданности и проводила тяжело хлопающую крыльями птицу круглыми от ужаса глазами.

Ненавижу кладбища! Но выбора нет. Послезавтра сорок дней, как умерла моя последняя родственница. Кроме меня навести порядок некому. Бывшему мужу уже семь лет, как нет до меня никакого дела. Парень, с которым я встречалась последние полгода, куда-то запропастился. И вторые сутки не берет трубку. А даже если бы и был Олег на месте, то вряд ли бы согласился мне помочь. Они с покойной тетей Машей друг друга не любили. И это еще очень мягко сказано. И если Олежку я еще могла понять и оправдать. То для неприязни тети Маши не было никаких видимых причин. Она часто награждала парня весьма нелестными эпитетами, вроде «Трутень» и «Примак». И это при том, что именно Олег покупал все дорогие и дефицитные лекарства, когда тетя Маша слегла. Он молча и не кривясь помогал мне ухаживать за парализованной родственницей. В то время, как она невнятно и брызжа слюной осыпала его оскорблениями.

Олег ни разу мне ни слова не сказал. Часто оставался у меня ночевать в последний месяц перед смертью тети. Когда мне было до судорог жутко оставаться один на один в пустом доме рядом с медленно умирающим человеком. И вообще, поддерживал, как мог. А вот позавчера ушел на работу, предупредив, что на два дня уезжает в командировку и пропал. Телефон в сети. Но Олег трубку не брал.

Против моей воли сегодня уже в голову начали лезть совсем нехорошие мысли. День у меня сегодня был как на заказ. С самого утра, когда я пошла отпрашиваться на поминки у хозяйки магазина, где я трудилась последние два года, она неожиданно взяла и уволила меня. Вот так, запросто. В ответ на мое: «Лидия Васильевна, мне нужен дополнительный день. Тете будет сорок дней. Я все отработаю», она сначала кивнула. А потом вдруг скривилась, словно ее заставили жевать незрелый лимон и желчно мне бросила:

– Можешь больше на работу не выходить.

Я растерялась:

– То есть?

– А то и есть! Ты сама по себе ничтожество! У тебя самая низкая выручка из всех! Да я тебя держала только из уважения к твоей тетке! Но теперь это бессмысленно. Можешь уходить прямо сейчас.

Такого унижения я еще не испытывала. На глаза навернулись горькие слезы. Я действительно оказалась в этом магазинчике на колхозном рынке благодаря тетке. После того, как меня сократили из библиотеки, как самого молодого и имеющего больше всего шансов на дальнейшее трудоустройство сотрудника, я несколько месяцев не могла найти работу. Мы кое-как перебивались на скромную тетину пенсию. Пока однажды не пошли вместе на рынок. На глаза попался этот магазинчик дешевой обуви с объявлением на двери: «Требуется продавец. Девушка 20-30 лет. Можно без опыта работы». Теть Маша только увидела это объявление, написанное от руки, так сразу прищурилась. Словно сквозь стены магазинчика что-то разглядывала. А потом, бросив мне короткое: «Жди здесь!», вошла внутрь. И все. Когда она вышла, меня уже приняли на работу.

Работа была не сахар и не мед. Весь день на ногах. В жару и холод. Иногда, не имея времени не то, что поесть, а элементарно сходить в туалет. Мои напарницы менялись ежемесячно. А я работала. Платили неплохо. Вот и терпела. Есть что-то надо. Обуваться и одеваться тоже. И вот она, благодарность в итоге.

Из магазинчика я вышла, судорожно зажав в ладони ручки потрепанной сумки. Не потому что там было что-то ценное. Или я боялась ее потерять. А потому, что эта старая сумка вдруг оказалась для меня чем-то вроде якоря, не дающего потонуть в безумном водовороте под названием жизнь.

Зайдя домой, чтобы переодеться и взять нехитрый хозинвентарь, я отправилась на кладбище, здраво рассудив, что мне будет куда легче, если уберу сегодня. А завтра уже устрою поминки для тетиных подруг.

Заклеив ранку полоской очень кстати завалявшегося в сумке бактерицидного пластыря, я сгребла остатки венков и превратившиеся в сухие веники пучки дубков. Вот и все. Я остановилась напротив тройной могилы. Когда-то очень давно тетя Маша, мамина родная сестра, как будто предвидя такие события, забронировала землю под тройное захоронение. А отчим заранее поставил памятник. Один на троих. Жуткое это было зрелище. Не знаю, как у тетки хватало нервов смотреть на пустую могилу, ждущую ее. Но, когда тети Маши не стало, я оценила предусмотрительность моих родственников.

И вот теперь, стоя на стылом октябрьском ветру, я смотрела на свою семью. Когда-то у меня была мама. Я ее не помню. Знаю только по фотографиям. Она умерла, когда мне едва исполнилось пять лет. И только недавно, после смерти

тети Маши, разбирая старые документы, я узнала, что маму убили. Жаль, теперь уже не у кого спросить за что. И почему. Тетка, наверное, знала. Но всю жизнь молчала. Только губы поджимала, когда я спрашивала о маме или папе. О родном отце я не знаю вообще ничего. Даже его имени. Наверное, его зовут Иван. Если судить по моему отчеству. Но мне почему-то кажется, что это не так.

Дядя Толя, мой отчим, женился на маме, когда мне исполнилось полтора года. Он всегда очень хорошо ко мне относился. Приносил мелкие подарки и гостинцы, возвращаясь с работы. Баловал, как умел. Помогал с уроками, когда я стала постарше. Подсказывал, учил всему, что знает сам. После смерти мамы женщин в его жизни не было. Почему, мне не известно. И сейчас, спустя пятнадцать лет после его смерти, я не могу понять, почему всегда считала его отчимом. Почему никогда не пыталась хотя бы в мыслях назвать его папой. Почему он так и не стал для меня родным. Одни сплошные «почему». И ответ я уже вряд ли узнаю. Дяди Толины родственники после его смерти буквально выставили меня на улицу, забрав квартиру и машину. И мотивируя это тем, что я им никто. Дядя Толя так меня и не удочерил. Несмотря на то, что всю жизнь, до самой смерти, заботился только обо мне.

Отчим был милиционером. Однажды вечером на нас с ним напали какие-то подонки. Дядя Толя сумел меня отбить. Ценой своей жизни. А я долго валялась в больнице с травмой головы. И до сих пор не могу вспомнить точно, что же случилось тем роковым вечером.

После его смерти я оказалась на окраине нашего городишки. В доме маминой сестры. На обрыве над речкой. Первые годы, когда я только переехала на Озерную улицу, будучи еще подростком, я часто и подолгу простаивала за домом, опираясь на низенький заборчик. Сразу за забором начинался крутой обрыв. Внизу берег речки со скромным пляжем. Его даже местные не использовали. Слишком сложно было спускаться вниз. Тетя Маша однажды мне рассказала, что раньше были ступени, ведущие вниз, на пляж. Но после одной особенно снежной зимы, когда начал бурно таять снег, на берег устремился сильный поток талой воды, стекающей со всей улицы. И в одну ночь ступеней не стало. Теперь на том месте сломанными зубами из земли торчат камни. Остатки лестничных ступеней. Подмытая земля ненадежна. За пару лет до моего переселения на Озерную улицу, на бывшей лестнице свернул себе шею тетин сосед-пьянчуга. А в первый год моего проживания тут сорвался вниз и сильно покалечился какой-то молодой парень. С тех пор туда никто не ходил. Так что берегом и рекой я могла любоваться только сверху. Хотя, по правде говоря,

особо любоваться было нечем. Только поздней весной и ранним летом покрытая зеленью и дикими цветами земля внизу выглядела привлекательно. Позже все выгорало от жары. А зимой и осенью туда даже смотреть было жутко. Но чем-то меня это место влекло. И я часто и подолгу, до полного промерзания, стояла у ограды, глядя вниз. Или на свинцово-серое небо.

Окончательно продрогнув на холодном осеннем ветру, я подобрала свои вещи и побрела к выходу с кладбища.

В конце октября сумерки наступают рано. Пока я добралась до города да зашла в магазин, на улицах уже зажглось освещение. А мне еще почти пять кварталов вниз. И на последних двух уличного освещения не было, кажется, со дня основания города. Местные все ходили с фонариками. Романтика. Особенно, когда в руках тяжелые сумки. Фонарик хоть в зубы бери.

Ночь наступила внезапно. И, как всегда, в самый не подходящий момент. Едва я только покинула освещенную зону улицы. Вот только что еще было видно, куда я ставлю ноги. В следующий момент налетел пронизывающий, злой какой-то, ветер. Дернул за волосы. Недовольно прошелся по моей старенькой куртке. Бросил в лицо пригоршню дорожной пыли, заставив зажмуриться. А когда я открыла глаза, вокруг была непроглядная темень.

Я растерянно остановилась. Где-то впереди слабо мерцали несколько огоньков – освещенные окна в домах. Все остальное тонуло в глубокой и неподвижной, какой-то вязкой, тьме. Только ветер вымещал свою злость на ветках уже оголившихся деревьев.

Со вздохом поставив пакеты с продуктами на дорогу, я полезла за фонариком. Но сегодня определенно был не мой день. Сначала заело молнию на сумке. Я минут пять ее дергала в безуспешных попытках добраться до заветного источника света. Пока строптивица не поддалась и не позволила вынуть фонарик. Я поспешила его включить. Не смотря на довольно ранний час, в полной темноте было жутковато. Нажимая на кнопку, я позволила себе помечтать, что кто-то из соседей прямо сейчас будет идти мимо меня домой и предложит свою помощь и компанию. Ага, как же. Так мне и повезло.

Наконец, кругляшок электрического света от включенного фонарика весело затанцевал на дороге под противный свист осеннего ветра. Мне как-то сразу

стало легче. Ненавижу темноту осени с того самого вечера, когда не стало отчима!

Облегченно вздохнув, я потянула за язычок проклятой молнии. Скорее закрыть сумку, пакеты в зубы и домой! Дома уют и безопасность. Чай, плед и не дочитанная книга. Вчера пришлось бросить на моменте, когда Кэтрин пошла на свое первое дело с Кости*. Было уже поздно. И я с трудом оторвала себя от книжки, понимая, что если не брошу сейчас, то наутро рискую проспять на работу. Лучше бы проспала. Работу все равно потеряла. А так хотя бы книгу дочитала.

В нетерпении я снова и сильнее дернула заклинившую молнию, другой рукой придерживая одновременно и сумку, и фонарик. Электрический луч весело отплясывал ламбаду.

Моя поспешность привела к катастрофе. Я не поняла толком, как это случилось. Но из-за чрезмерного усилия, приложенного к молнии, пальцы вдруг соскользнули с сумки. Рука по инерции дернулась в сторону. А фонарик, описав сальто и на секунду ослепив меня лучом, упал прямо на камни у обочины. Раздался хруст. Свет погас.

Несколько секунд я стояла в оцепенении, пытаюсь осознать размеры катастрофы. В полной темноте и на ровном асфальте не особо безопасно. А тут неровная грунтовая дорога с уклоном к берегу. Еще и посередине проходит промоина от стекающей с верхних улиц дождевой воды. Свернуть шею – раз плюнуть.

*Имеется ввиду книга Джанин Фрост, первая из серии книг «Ночная охотница»

Захотелось плакать. Хоть бы погода была ясная, тогда луна бы неплохо освещала путь. Как ни ненавижу я полнолуния, сейчас бы это пригодилось. А ведь сегодня именно полная луна. Еще и так называемая, кровавая. И как я могла об этом забыть? Опять, как пятнадцать лет назад. Хэллоуин. Вечер. Полнолуние. Кровавая луна.

Я зябко передернула плечами и оглянулась. Вроде и не верю во всю эту сверхъестественную чушь с призраками и оборотнями. А как-то не по себе. Не

даром же у багровой луны такая дурная слава.

Отругав себя за излишнюю мнительность, а заодно и поспешность, из-за которой я лишилась фонарика, я подхватила с дороги пакеты. И тут же их поставила. В сумке заорал телефон. Я поспешно, едва не уронив, пристроила пакеты обратно. А вдруг это Олежек? Противная молния на этот раз расстегнулась, не сопротивляясь. Я трясущимися руками выудила из сумки телефон. И ощутила горькое разочарование. Звонила Ефросиния Яковлевна. Одна из тетиних подруг. Чтобы предупредить, что не сможет завтра присутствовать на поминках по причине слабого здоровья. Я скорбно пожелала ей скорейшего выздоровления, смутно припоминая черную и сморщенную, как некачественный урюк, старуху с цепким взглядом и устрашающего вида клюкой. Такую по незнанию можно и за Бабу Ягу принять.

Завершив разговор огорченно посмотрела на телефон. Палец сам, помимо моей воли, ткнул в нужный номер. Две трубки, соединенные пунктирной линией, возвестили о том, что вызов пошел. Я со вздохом приложила к уху трубку, не особенно надеясь на чудо.

Чудес не бывает. Прослушав пару десятков гудков, я разочарованно разорвала вызов и уронила трубку в сумку. Олег снова не ответил.

С Олегом я познакомилась на работе перед майскими праздниками. Он зашел в магазин незадолго до закрытия. Людей уже не было, и мы с напарницей позволили себе расслабленно глазеть на шикарного блондина под два метра ростом, пока он сосредоточенно осматривал выставленную обувь.

Олег обладал шикарной модельной фигурой. Первое весеннее тепло уже позволяло днем щеголять в футболке с коротким рукавом. Чем парень и воспользовался, бесовестно выставив на всеобщее обозрение мускулистый рельеф рук и богатырский разворот плеч. К слову сказать, футболка на этих плечах едва не трещала. Я заинтересованно ощупала взглядом ладный мужской торс и зацепилась за туго обтянутую джинсовой тканью крепкую мужскую задницу. Про такие говорят: попа, как орех.

Моя тогдашняя напарница Сонька понимающе перехватила мой взгляд и подтолкнула в спину, шепнув едва слышно:

– Иди к нему! Не продашь ничего, так хоть пофлиртуешь!

Сама Сонька недавно в третий раз вышла замуж. Тетя Маша только глянув на нее, брезгливо скривила губы: «Шалава!». Но, не смотря на нелестный тетин эпитет, я все-таки считала напарницу опытной по мужской части. И потому доверилась ее мнению.

– Добрый вечер! Ищете что-то определенное? Может быть, я смогу вам что-то подсказать?

Я с профессионально-яркой улыбкой заглянула парню в лицо и ощутила острый укол разочарования. Парень был красив той сочной славянской красотой, что так часто воспевается в книгах: красивый разлет русых бровей, длиннющие пушистые ресницы, гладкая кожа без намека на растительность, румянец во всю щеку. И пухлые, почти девичьи губы, изумительно четкого рисунка.

Да, парень был хорош. Нет, не просто хорош, а шикарен. О таком можно было только мечтать. Как о каком-нибудь кумире. Или недосыгаемой голливудской звезде. От одного только взгляда подобного экземпляра девушки должны были падать замертво. Вот только он был непростительно молод. Наверное, лет двадцать. И то, если есть. На меня он даже не глянет.

А парень, не подозревая о пошлых мыслях, копошащихся в моей дурной голове, взглянул на меня и широко улыбнулся:

– А помогите! Мне нужны туфли, которые подошли бы и под джинсы, и под классические брюки.

Глаза у него оказались ярко голубые. Как весеннее небо. Как раз, как я люблю. А в сочетании с его неотразимой улыбкой, это вообще было оружие массового поражения. И я не устояла. Глупо затрепыхав ресницами, как последняя идиотка, я засуетилась вокруг него.

Через пол часа и десяток перемеренных пар покупка состоялась. И парень скрылся за стеклянными дверями с вожделенным пакетом. Еще через несколько минут мы с Сонькой закрыли магазин и отправились по домам. За ближайшим углом по дороге к остановке меня ждал Олег со скромным букетом сирени.

В тот день он только проводил меня до дома, изумленно изучая Озерную улицу. Ну да, диковинка. Кругом многоэтажки, стекло и бетон. Асфальтированные дороги и быстрые автомобили. А у нас тишина. И речка. И брошенные дома у обрыва над рекой. Ни асфальта. Ни машин. Ни многоэтажек. Словно позапрошлый век.

Впрочем, это я загнула. Ни речки, ни брошенных домов Олег в тот вечер так и не увидел. Чтобы увидеть развалины, нужно было или обойти наш с тетей дом, или перейти на соседнюю Слободскую улицу. Развалины были именно там. Мы их изучили гораздо позднее. Когда Олег все-таки сломил мое сопротивление, и я позволила ему все.

Умом я понимала, что у наших отношений нет будущего. Очень быстро выяснилось, что Олегу всего двадцать четыре года. Шесть лет вроде и не много. Но не тогда, когда один из пары совсем еще мальчишка. Я понимала, что скоро ему надоем. Или он найдет себе какую-нибудь яркую и молодую девочку. Все же я в свои тридцать лет, с опытом неудачного брака за спиной, лишними килограммами и неухоженными волосами была очень далека от эталона красоты. Но все же не могла запретить своему глупому сердцу надеяться.

И вот итог. Я стою одна в полной темноте с двумя тяжелыми пакетами и понятия не имею, где мой парень. И мой ли он еще.

Тяжело вздохнув, наверное, в тысячный раз за этот вечер, я опять подхватила с земли пакеты с продуктами. Теперь идти было невероятно сложно. Словно с завязанными глазами, я осторожно прощупывала ногой каждый шаг. Дорогу вроде и помнила, но на дороге была масса выбоин и ямок. А также попадались принесенные дождевой водой камни. Машины у нас ездили очень редко. Сгладить это безобразие было некому. А если попаду ногой в яму, или зацеплюсь за камень, то неминуемо что-нибудь себе сломаю. С моей-то удачей. И хорошо, если сразу до смерти. А то кто за мной будет ухаживать, если протянусь беспомощным овощем на кровати. Не бывший же муж?

Я сначала хихикнула от таких мыслей. Живо представив, как Максим меняет мне памперсы. А потом, когда до меня дошло, о чем именно я думаю, я споткнулась и встала. Я что, рехнулась? Мне еще жить и жить. Вся жизнь впереди! Вон, кавалер молодой! А я о смерти думаю. Наверное, это все влияние кровавой луны.

И я затрясла головой, словно это помогло бы мне избавиться от чужих, не хороших мыслей.

Успокоив себя подобным образом, я возобновила свое экстремальное путешествие. И через несколько осторожных шагов мои мысли сами собой вернулись к бывшему мужу.

Мы с Максом поженились рано. Мне едва стукнуло восемнадцать. Ему чуть за двадцать. Его родители в открытую, не стесняясь меня, уговаривали сыночка не торопиться со свадьбой. Мол, нравится девочка, живите. Зачем свадьба-то? Надоест она тебе, и что тогда? А так в случае чего разбежались. И с концами.

Я не обижалась. Я вообще не обращала внимания на то, что не нравлюсь будущим свекрам. Я смотрела на будущего мужа, как на бога. Он для меня был идеалом. Да и Макс видел только меня одну. Это было каким-то наваждением. От самого момента, когда мы с ним познакомились в доме у очередной тетиной подруги, куда Макс пришел в гости к товарищу. И до самого конца. Конца наших отношений.

Хотя нет, вру. В первый вечер знакомства Максим отреагировал на меня очень спокойно. Это я была в восторге от крепкого и статного bruneta со смоляными кудрями и темными, почти черными глазами. А Макс никак не выделял меня среди остальных. Когда пришла пора возвращаться домой, кто-то вспомнил в каком я районе живу. А кто-то, словно в шутку, заметил, что Максим живет чуть дальше меня и ему по пути. Тут же кто-то, кажется тетина подруга, подал идею, чтобы Максим меня провел. Парень не сопротивлялся. Наоборот, подошел к задаче со всей ответственностью. И провел меня до порога моего дома. А там уже нас поджидала тетя Маша. И в благодарность за то, что племянницу доставили в целости и сохранности, зазвала Макса на чай.

Я плохо помню почему-то тот вечер. Кажется, мы втроем пили чай со знаменитым цветаевским пирогом. Максим много шутил и смеялся, не сводя с меня блестящих антрацитовых глаз. А тетка благосклонно ему улыбалась.

На следующий день Макс примчался к нам домой, едва только начало смеркаться. И, наговорив кучу комплиментов тетиному пирогу и нашему уютному дому, позвал меня гулять. Через два месяца мы поженились. А через год развелись. Тихо, мирно, без скандалов и дележки имущества. По обоюдному

желанию. А я до сих пор не могу понять, что это за помутнение рассудка тогда со мной случилось.

Мы с Максом не ругались. Друг друга не обижали. Просто постепенно флер романтики развеялся. И вдруг оказалось, что мы абсолютно чужие люди. Которым не уютно рядом друг с другом.

Жили мы у его родителей. И в отличие от сына, свекровь не стеснялась пилить меня и читать морали за каждую ерунду. Когда помимо несущественных задержек по причине отсутствия общественного транспорта и не отглаженных сразу после стирки рубашек Максика, в ход пошли придирки по поводу того, что я никак не забеременею, я собрала свои вещи и ушла к тетке.

Если честно, я ожидала, что тетя Маша устроит мне скандал по поводу моего самоуправства. Ведь Макс ей очень нравился. И в те редкие дни, когда мы приходили в гости, стол ломился от любимых блюд моего мужа. Но, против всякого удивления, тетя Маша только что-то одобрительно проворчала. Сказать, что я была изумлена, это значит, ничего не сказать.

Споткнувшись в очередной раз и едва не выронив сумки, я наконец-то вынырнула из мыслей о бывшем. Вокруг, кажется, стало еще темней. Даже мерцающих огоньков из освещенных окон не стало. Или это обман уставшего зрения? Я передернула плечами. Надо же было угодить в такое приключение!

В полной темноте я даже не могла определить сколько прошла. Еще чего доброго пройду мимо своего дома. И хорошо, если уткнусь в забор к бабе Глаше. А если впишусь в узкий проход между обрывом и соседским забором, то поминай, как звали! Там я точно на ногах не удержусь и свалюсь на берег. И почему до сих пор никто не перегородил этот проклятый проход? Ведь все равно им никто и никогда не пользуется!

Вздых вырвался из груди. Я знала почему никто не озаботился безопасностью жителей и гостей этого забытого богами и властями города уголка. Причина была банальна. Почти тупиковая, не проезжая улочка, в последнем квартале которой проживали только я и выжившая из ума баба Глаша, не интересовала власти города в качестве вложения денег. Тут никогда не бывало чужих. А свои и так все знают. Нет смысла тратить.

Перехватив поудобнее тяжелые пакеты и поправив на плече сползающую сумку, я опять подняла ногу, чтобы нащупать путь впереди. Надо шевелиться, а то заночую на улице.

Осень в этом году была сухая. Очень сухая. Уже закончился октябрь, а дождей, как таковых, еще не было. Несколько дней мелкой мороси я дождем не считаю. Потому-то сейчас ветер и гонял сухую противную пыль по дороге, припорошивая глаза и обжигая кожу. Сейчас даже кратковременный ливень не сможет устроить потопа на улице. Чтобы пересохшую грунтовую дорогу развезло, нужно, наверное, чтобы дождь лил сутки не переставая.

Без дождей было странно. Обычно в это время Озерная улица превращалась в болото. Словно в насмешку над своим названием. И в принципе, это было нормально. Я не особо верующая. Даже, наверное, атеистка. Но, подслушав однажды в автобусе разговор двух бабулек о причинах аномально сухой осени, задумалась. Бабуси со всей серьезностью отстаивали каждая свою версию. Одна упрямо твердила, что слишком много грешников развелось. Отвернулись от церкви, забыли про Отца-вседержителя. Вот Бог нас и наказывает таким способом. И способ разобраться с проблемами только один: покаяться и вернуться в лоно церкви.

Другая бабулька, укутанная по самые глаза в черный платок, пристукивая потемневшей от времени и долгого употребления клюкой, хрипло и нервно каркала на весь автобус:

– А я тебе, Маруся, говорю: ведьма у нас в городе померла. Сильная ведьма. Вот баланс и нарушился. Пока другая ведьма не появится, да погоду в свои руки не возьмет, ничего и не изменится!

Я бы, наверное, и не обратила внимания на этот спор-разговор двух пожилых подружек, но мне стало интересно. А как это ведьма может взять в свои руки погоду?

Читать я любил с детства. И читала преимущественно фэнтези о ведьмах, драконах и вампирах. Последние были моими самыми любимыми героями. Но и о ведьмах я прочитала не мало. И нигде не упоминалось, что ведьмы могут управлять погодой. Наоборот, считалось, что там, где живет ведьма, вечная засуха. А тут засуха от того, что ведьма умерла. Меня заинтересовал этот факт.

И я сделала себе зарубку на памяти поискать информацию. Да так благополучно и забыла.

А теперь, жмурясь в полной темноте от пригоршней колючей пыли, которые швырял периодически мне в глаза противный ветер, я почему-то вспомнила этот разговор. И то, что информацию я так и не нашла.

Занятая своими мыслями, я пропустила тот момент, когда мои ноги стали на какой-то скользкий участок дороги. Будто лед. Откуда ему тут взяться при плюсовой температуре?! Это была моя последняя связная мысль. Мои ноги стремительно поехали вперед, и я поняла, что падаю головой назад.

От ужаса я просто оцепенела. Пакеты с продуктами улетели куда-то в темноту. Мелькнула мысль: если приложусь темечком о камень, которых тут полно, то мне как. Вместо поминок завтра будут похороны.

Внезапно налетел ветер. Вокруг закружились тугие потоки воздуха. Сердце сжалось и ухнуло куда-то на дорогу. С перепугу мне показалось, что и меня завертело в воздухе. Даже вроде бы в глазах замельтешило. А в следующий миг я с размаху приземлилась грудью на что-то относительно мягкое. Удар был не таким сильным, как я ожидала. Но дыхание сбилось все равно.

Некоторое время я просто лежала, не шевелясь. Не в силах поверить, что все обошлось, и я цела. Вокруг по-прежнему было темно и тихо. Даже ветер стих. Жуткий какой-то сегодня вечерок. Хорошо еще, что пасмурно, и проклятой багровой луны не видно. А то было бы совсем, как в фильме ужасов.

Постепенно я пришла в себя. И сообразила, что разлеглась на улице, непонятно где. Смеху будет, если все же кто-то из знакомых на меня тут наткнется. Я подтянулась на руках, с намерением встать. И замерла. Под ладонями, как мне показалось, была плотная шероховатая ткань чужого пальто.

В первое мгновение я просто оцепенела. Как заяц, нечаянно попавший в свет фар. Секунда. Другая. Тело под моими руками оставалось неподвижным. Мелькнула мысль: «А тело ли?». Может, я зря панику развела? Может, это какой-то хлам на дороге, выброшенный за ненадобностью?

Я осторожно пошевелилась. И меня прошиб холодный пот. Я действительно на ком-то лежала. Ужас сработал не хуже катапульты. Меня буквально подкинуло. И я с трудом удержала равновесие, вновь обо что-то споткнувшись. Судорожно взмахнув руками, как пьяный гусь крыльями, я кое-как выпрямилась. И прошипела сквозь зубы ругательство. Мне до судорог не хватало света. Надо же было именно сегодня расколотить фонарик!

Мысли бестолково кружили в голове. Без света никак. Мало того, что я теперь даже приблизительно не могу понять в какую сторону мне нужно идти. Так еще и желательно узнать точно, кто же спас меня от фатального падения. А единственный источник света...

И тут меня осенило. У меня же еще был мобильник! Света от дисплея должно было хватить, чтобы осмотреть дорогу под ногами. Пусть идти с ним нельзя. Но я хотя бы найду пакеты с продуктами и определюсь в какую сторону мне идти. Оставался пустяк. В кромешной тьме найти сумку с телефоном. Я вздохнула и, присев на корточки, принялась опасливо обшаривать темноту руками. Приходилось осторожничать, чтобы не поранить нечаянно ладони.

Через пару секунд такого ощупывания воздуха я наткнулась на чужую ладонь. И окончательно поняла, что мне не померещилось. Я на кого-то упала. Или меня кто-то поймал? Я попыталась наощупь определить жив ли мой спаситель. Но замерзшие пальцы отказывались определять степень теплоты чужой руки. С поиском пульса тоже вышел облом. И я заметалась, чувствуя, как к горлу подкатывает паника. Проклятый день! Когда же ты уже закончишься!

Не знаю, к чему бы привели мои метания в конце концов. Или до чего бы я додумалась. Но к счастью, моя рука зацепила знакомую потрепанную «кожу бешеного дерматина». Я судорожно вцепилась в сумку. Через пару мгновений телефон был у меня в руках.

Слабый свет от дисплея выхватил из тьмы фигуру лежащего на дороге мужчины. Я прикусила губу. Темное пальто не определимого оттенка, модный шарф на

шее. Я осторожно переместилась и посветила незнакомцу в лицо. Темные волосы, легкая небритость, длиннющие ресницы, как опахала индийского раджи. Вроде, ничего необычного. Но у меня сердце дрогнуло. Надо ему помочь. Я приложила ладонь к шершавой мужской щеке и, мимоходом удивившись ощущениям, осторожно потрепала:

– Эй! Очнитесь! Вы живы?

Кожа на скуле незнакомца моим озябшим пальцам показалась шелковисто-атласной. Трех или четырех дневная щетина уже не кололась. Скорее, щекоталась. Я не удержалась, и провела пальцами по мужской скуле. Ресницы незнакомца дрогнули. А я снова обрадованно потрепала его по щеке:

– Эй! Очнитесь! Открывайте глаза! Не стоит валяться посреди дороги! Вставайте! Пожалуйста!

Кажется, я несла бред. Но мне было до одури страшно. Казалось, что в спину смотрит чужой враждебный взгляд. Словно хочет узнать: справлюсь или нет? Помогу или пройду мимо?

Когда незнакомец слабо застонал и слегка шевельнулся, я едва не взвизгнула от радости и вцепилась мужчине в плечи:

– Вставайте, пожалуйста! Я тут рядышком живу, смогу вам помочь! Но дотащить вас не сумею. Вы, наверняка, тяжелый!

От тех глупостей, что я болтала, самой было противно. Но, казалось, мой язык бежит впереди мысли.

Ресницы мужчины дрогнули еще раз и глаза распахнулись. А я замерла с открытым ртом. Никогда не видела глаз такого чистого изумрудного цвета! Как будто драгоценные камни!

Незнакомец пару секунд смотрел на меня, прищурившись. А потом поймал мою руку с телефоном и отвел в сторону:

– Слепит...

Хрипловатый его голос звучал, как райская музыка. И я повторно впала в ступор. А мужчина приподнялся и застонал, схватившись за голову. Когда он отнял руку, на пальцах осталась кровь. Это вывело меня из оцепенения. И я бросилась помогать своему нечаянному спасителю.

Дисплей телефона постоянно тух. А я от чрезмерного усердия была слишком неуклюжей и путалась в собственных руках и ногах. Но через несколько минут глупой и ненужной суеты мы оба стояли. Оставалось найти мои пакеты. Но я уже склонялась к мысли бросить их тут и сходить домой за запасным фонариком, когда неожиданно впереди вспыхнул яркий свет, почти ослепив меня.

- Аня! Слава Богу! Ты чего стоишь тут в полной темноте?

При первых звуках знакомого голоса я едва не подскочила:

- Олежек!

- Я. Я, конечно. А ты кого-то другого ожидала? - В голосе парня слышалась шутовская злость. - Признавайся, кого ждешь?

Я смутилась. И почему-то покосилась на своего спасителя. И замерла. Рядом со мной никого не было. Помимо воли растерянно оглянулась. Улица была пустынной, насколько хватало света от переносного аварийного фонаря Олега. Неужели померещилось? Да быть такого не может! Но и бесшумно мгновенно скрыться из виду ни один человек не сможет. Если только не умеет летать. Я нервно хихикнула.

- Ань, ну ты чего? Я ее жду, жду. А она стоит посреди темной улочки и смеется!

Мою нервозность как рукой сняло. Я поджала губы. О том, куда мог деться мой спаситель, подумать можно позднее. Сейчас стоит поговорить с Олегом. Я посмотрела на приближающегося парня. Лица сейчас не видно. Но я готова была поклясться, всю его фигуру сковывало напряжение.

Олег добрался до меня и обнял за плечи, всматриваясь в лицо.

– Ань, прости меня! Слышишь? Прости, пожалуйста! Я не планировал так надолго уезжать от тебя!

Наверное, я идиотка. Но, посмотрев в охваченное раскаянием лицо парня, я растаяла. Все обиды разом куда-то улетучились. Все непонятное и жуткое растворилось, смытое ярким электрическим светом.

– Я не сержусь. Но лучше бы было, если бы ты хоть как-то дал о себе знать. А то я уже не знала, что и думать.

– Анют, я не мог. Правда не мог. Но я все свои грехи искуплю. Вину заглажу. Идем домой? – Олег скорчил умильную рожицу, а я рассмеялась. – А кстати, ты чего тут стоишь в темноте?

Я хмыкнула:

– Знаешь пословицу: поспешишь – людей насмешишь? Это про меня. Я слишком торопилась застегнуть сумку, чтобы поскорее попасть домой. И в итоге расколотила фонарик. Пришлось топтать в темноте. В какой-то момент я поскользнулась и начала падать. Уронила пакеты с продуктами. Кстати, их надо найти. Слава Богу, что сама целая осталась.

По лицу Олега проскользнула тень недоумения. Он явно не понял связи между спешкой, сумкой и разбитым фонариком. Но сделал вид, что все так и было задумано. А я чуть ли не впервые с момента нашего знакомства задалась вопросом: что нужно молодому, красивому и не бедному парню от нищей неудачницы, вроде меня. Вовремя пришли мысли, ничего не скажешь.

Имея источник света, мы практически мгновенно нашли мои пакеты с продуктами. Один стоял, как будто его специально поставили. А вот со вторым не повезло. Он упал на бок. Вывалившийся из него кулек карамелек лопнул, и теперь конфеты лежали на пыльной дороге, нахально поблескивая глянцевыми обертками.

Сласти пришлось собирать прямо в общий пакет. Поверх упаковок с печеньем, изюмом и замученных тепличных огурцов. Ну да ладно. Они же в фантиках. Не страшно. Хотя у самой пальцы подрагивали, так мне было обидно и стыдно, что завтра придется выложить на стол конфеты, которые валялись посреди улицы.

Но на другие у меня уже не было денег. После поминок придется срочно искать работу. Любую. Иначе не выживу.

Олег больше делал вид, что помогает мне собирать конфеты. От меня не укрылось, что парень часто и внимательно осматривает темную улицу. Меня так и подмывало язвительно поинтересоваться, кого он потерял. Но я старательно заставляла себя молчать. Сейчас не время для скандалов. Да и, не смотря на все умные мысли, мне сейчас было откровенно страшно остаться совсем одной. Но в душе поселилось какое-то странное чувство. Олег мне сейчас почему-то показался еще более чужим, чем тем майским вечером, когда я его увидела впервые. Странное, не уместное чувство.

Олег провел меня до самого крыльца. И, пока я судорожно раздумывала, пригласить ли его остаться на ночь, или под благовидным предлогом попросить уйти, поставил пакеты на верхнюю ступеньку:

– Анют, прости меня, пожалуйста, но я еще и дома не был. Только приехал, и сразу к тебе. Нужно родителям на глаза показаться. А то они, наверняка, переживают еще больше тебя. У меня телефон скис от пропущенных звонков от них. Так что я сейчас домой. А утром приду. Сможешь располагать мною, как захочешь.

Странные существа – женщины. Я только что раздумывала, как бы поделикатнее избавиться от парня и остаться одной. А когда парень самоустранился, я ощутила лютое разочарование. И тут же захотела удержать, остановить. Но Олег уже повернулся и быстро пошел к калитке.

В эту ночь я долго не могла уснуть. В голове все крутились обрывки каких-то мыслей. О том, что у меня нет работы. И нет денег. О том, что я осталась совсем одна. Олег не в счет. О самом Олеге. Я снова и снова задавалась вопросом: что он во мне нашел? Даже встала с постели и, как была, в старенькой ночной рубашке, побежала к зеркалу. Увиденное меня разочаровало даже больше, чем днем.

Подростком я была хорошенькой, как куколка. Чистая фарфоровая кожа. Словно законы подросткового возраста не для меня писаны. Большие темные глаза в

обрамлении пушистых ресниц. Правильной формы аккуратный носик. Брови настолько идеальной формы, что однажды мою тетю незнакомая женщина на улице отругала за то, что мне позволили сделать татуаж. Смешно. Тогда я даже слова такого не знала.

Кукольности добавлял не высокий рост – один метр пятьдесят девять сантиметров. Я легко могла затеряться в толпе своих одноклассников, половина из которых были на голову выше меня.

Единственное, что меня расстраивало, это моя фигура. Я была тоненькой, как веточка. С нулевым размером груди, едва обозначившейся попой и полным отсутствием бедер. Теперь я понимаю, что лучше бы я такой и оставалась на всю жизнь.

Выйдя замуж, я резко, в течении полугода набрала вес, сменив размер XS на XL. А иногда дело доходило и до XXL, что невероятно меня расстраивало. Но самое ужасное, что с полнотой пришли угри, плохая жирная кожа и сухие секущиеся волосы. Моя красота испарилась, как дым. Зато у меня появились бедра.

Вот и сейчас из глубины старого потемневшего зеркала с жадным любопытством на меня смотрела полноватая женщина неопределенного возраста с крысиным хвостиком вместо косы и фигурой а ля колбаска. Совершенно неожиданно, а главное в первые подумалось: «а как Олег мог не просто позариться на такое тело, но и по несколько раз кряду заниматься со мной любовью?» От неприятного осознания в душе что-то зазвенело и разбилось. С горьким юмором подумалось, что это, наверное, мои розовые очки разбились.

Устав от разглядывания себя, такой красивой, и порядком продрогнув босыми ногами на холодном полу, я снова забралась под одеяло. Но, даже согревшись, уснуть не могла все равно. Олег теперь не шел у меня из головы. Я не могла понять почему он со мной. Из каких соображений. Ладно, если бы я была богатой наследницей. Но все, что у меня было – это старый домик на обрыве над рекой в конце не мощеной улицы, которая периодически превращается в болото. Из всех удобств только свет и вода. И целая трагедия каждой осенью, когда нужно завезти дрова и уголь для отопления. Так что из меркантильных соображений парень точно не мог со мной встречаться. А в большую и светлую с его стороны я и раньше не особо верила. Теперь же просто терялась в догадках.

Я очень долго крутилась на кровати с боку на бок. Пыталась считать овечек и слоников. Но сон все не шел. Стоило мне хоть немного расслабиться, как овечки тут же ехидно скалились в мою сторону волчьими пастьями. А слоники удирали, сверкая пятками.

В итоге, где-то в районе полуночи я сдалась и прекратила бесполезные попытки уснуть. Раз не спится, буду читать. Книжку я оставила в бывшей тетиной комнате, окно которой выходило как раз на обрыв. Пока тетя Маша была жива, окно всегда было зашторено. И днем, и ночью. Но когда ее не стало, я раздвинула шторы. Окно оказалось просто огромным для нашего дома. К тому его не заслоняли никакие деревья. Так что днем в комнате было очень светло даже в пасмурную погоду. И я стала там читать.

Я впервые зашла в тетину комнату ночью после ее смерти. А потому оторопело замерла. Я не заметила, когда успело распогодиться. Но теперь через не зашторенное окно в комнату заглядывала злая багровая луна. Она так низко висела над горизонтом, что казалось, стоит у меня во дворе под окном и хмурится, разглядывая меня. Мне даже как-то не по себе стало. Но книга, за которой я пришла, лежала на подоконнике. И потому я решительно шагнула вперед.

И споткнулась. Пальцы разжались. Книга свалилась на пол, больно ударив меня корешком по ноге. Но я боли почти не почувствовала. Я смотрела, не отрываясь, в окно, едва сдерживаясь, чтобы не заорать. А за окном, залитая багровым светом кровавой луны, стояла моя тетя.

Я смотрела на тетю Машу и не узнавала ее. Черное креповое платье, которое тетка приготовила себе на смерть, превратилось в лохмотья. Местами просто изорванное. Местами прогоревшее до дыр. И даже кое-где еще дымившееся. Чулок на тете не было. Увидев во что превратились ее босые ступни, я с трудом сглотнула. Хотя сначала мне показалось, что это просто свет от луны. Тетины ноги, сбитые в кровь, превратились в какие-то култышки. Но страшнее всего было тетино лицо с кровавыми провалами вырванных глаз. Я икнула и попятилась. А тетка подняла голову и приказала:

– А ну, стой!

У меня сразу ноги словно вмерзли в пол. Я дернулась пару раз. Но сдвинуться с места не смогла. И в ужасе посмотрела на родственницу. А тетка только головой покачала:

– Разочаровала ты меня, племянница. Мало того, что обычной уродилась, без капли дара. Так еще и с чистильщиком спуталась. Ты что ж, дуреха, думаешь, он тебя любит? Да как бы не так! Использует он тебя! А как изведет всех моих сестер, так в лучшем случае бросит. А то и прибьет за ненужностью! Чтоб уж наверняка весь наш род извести! Дура! Зря Толька за тебя жизнь отдал! Зря я все пожертвовала, чтоб тебя, полоумную, защитить! Все зря!

Я в ужасе молчала, чувствуя, как бешено колотится сердце. Очень хотелось спросить, что тетя имеет в виду. Но язык во рту был словно чужой. А губы будто срослись вместе.

А тетка постояла еще немного, неодобрительно покачивая головой. Как будто что-то обдумывала. А потом вдруг шагнула к окну, подняв почерневшую, скрюченную руку:

– Не достойна ты, Анька, моего дара. Моей жертвы! Отдавай его назад! Отдавай мои глаза!

Что у меня требуют, я осознала только спустя три удара сердца. А когда все-таки осознала, то заорала не своим голосом, пытаюсь оторвать примерзшие к полу ноги...

... и подскочила на кровати, захлебываясь собственным криком.

С минуту, наверное, я сидела на кровати не двигаясь. Тупо пялясь в одну точку на противоположной стене. Прижав руку к груди. Слушая, как постепенно успокаивается бухающее, как паровой молот, сердце. Значит, это всего лишь сон. Я воровато покосилась на закрытую дверь, ведущую в тетину комнату. Взгляд зацепился за настенные часы. Половина первого. Самое бесовское время. Как говорила тетя.

Немного придя в себя и окончательно успокоившись, я прошлепала на кухню. Нагрела себе в ковшике молока. Бросила туда ложечку меда. А потом долго сидела у стола, скорчившись, и обхватив руками старую выщербленную чашку в

бледно голубой горошек.

Странный сон. И жуткий. К чему бы это? Что имела ввиду тетя? Ведь она совершенно точно говорила об отчине. А о каком даре, которого я якобы лишена, идет речь? Чем таким и когда пожертвовала ради меня тетя? Вопросы. Одни вопросы. И не спросишь ни у кого. А то еще чего доброго за чокнутую примут.

Единственное, что более или менее было понятно, это чистильщик. Тетя слишком явно имела ввиду Олега. Но почему чистильщик? Что он чистит?

Неожиданно мои взбаламученные мысли и ночную тишину пререзал громкий, как выстрел, треск. Такой звук издавали пластиковые бутылки, вкопанные в землю под окном в качестве бордюра. Я подскочила и замерла. Во дворе кто-то был.

Всю ночь до самого рассвета я не сомкнула глаз, чутко прислушиваясь к происходящему за стенами дома. Не знаю, что со мной случилось. Виноват ли был приснившийся кошмар. Или происшествие с фонариком по пути домой. Но я никак не могла успокоиться. Мне чудилось, что вокруг дома бродит опасное жуткое существо. Не зверь. Не бандит. Существо. Несущее неведомую, но серьезную угрозу. Тревога, стальными обручами сжимавшая мою грудную клетку, не давала спокойно дышать. А сердце колотилось о ребра, как безумное. И это, несмотря на то, что до утра единственным слышимым звуком было мерное тиканье настенных часов.

Из дому я рискнула выйти только с восходом солнца. Благо, что на работу было не нужно.

Дождавшись, когда за окном станет совсем светло, я оделась и обулась. Взяла в руки чугунную кочергу, которую мы с теткой держали в углу у входной двери именно в качестве оружия. И распахнула входную дверь.

Странно было видеть после вчерашней хмурой серости и ночного полнолуния огромный, чистый и яркий солнечный диск. Солнце просто слепило глаза. Я чуть прищурилась и поняла, что это ненадолго. Чуть выше выкатившегося солнца клубились свинцовые тучи. Значит, опять будет пасмурно. Я обвела взглядом

двор. Узкие дорожки, мощеные бытым ракушняком. Старое абрикосовое дерево, давно сбросившее всю свою листву на зиму. Голые плети винограда. Ощерившиеся колючками розовые кусты с остатками листвы и замершими бутонами по обе стороны от крыльца. Вроде, все, как и было. Но не могло же мне примерещиться? Или могло? Способ узнать был только один – посмотреть на бутылочный бордюр под окном кухни. Настороженно держа кочергу наизготовку, я нехотя повернула направо и поплелась изучать улики.

Пару лет назад мне вдруг остро захотелось разбить под окном кухни цветочную клумбу. Денег особо не было. Поэтому в качестве бордюра я своими руками вкопала в землю вверх донышком не один десяток одинаковых пластиковых бутылок зеленого цвета. Смотрелось интересно. Даже зимой. Когда бутылки были единственной зеленью в нашем дворе.

А теперь одна из бутылок была предательски смята. Как раз напротив кухонного окна. Там, где на нее наступила нога чужака, пытавшегося что-то рассмотреть сквозь плотную кухонную занавеску. У меня на миг остановилось сердце.

Чужих на нашей улочке не было никогда. Сюда невозможно было забрести нечаянно. Слишком уж непривлекательной была местность. К тому же, прохода дальше не было. Фактически, тупик. И если кто-то топтался у меня во дворе, значит, пришел с какой-то определенной целью. Красть у меня нечего. И это видно еще с улицы. Старый дом с позеленевшей от времени шиферной крышей и потрепанными временем и непогодой стенами говорил сам за себя. Здесь самая большая ценность – это моя жизнь.

От пришедшей в голову мысли сердце запнулось, наверное, в миллионный раз за сегодняшнее утро. Рука сама собой схватилась за шею. Меня охватил ужас. Неповоротливые от лютого недосыпа мысли вяло ворочались в голове. И я никак не могла сообразить, что же мне делать дальше.

Из безрадостных дум меня вырвал налетевший порыв промозглого осеннего ветра. Я зябко передернула плечами и внезапно заметила, что, как я и предполагала, солнце уже поднялось выше и скрылось за облаками. В саду стало серо и неуютно. А я успела продрогнуть. Слишком легко оделась. Так недолго и заболеть. Надо идти в дом. К тому же, сегодня поминки. А завтра нужно начинать поиски работы.

Я зябко передернула плечами и поудобнее перехватила тяжеленную чугунину. Поворачиваясь ко входу в дом, краем глаза заметила какое-то движение. И, не думая, на одних инстинктах, отпрыгнула в сторону, одновременно обеими руками замахиваясь кочергой на незваного гостя.

Беда не случилась чудом. И это была не моя заслуга. Просто Олег, а это был он, имел очень хорошую реакцию. И успел уклониться от летящей прямо ему в голову смертоносной утвари. Сама бы я ни за что не успела бы остановить собственный удар.

Кочерга ухнула вниз, вызвав скромный фейерверк каменной крошки из осколков ракушняка, служившего нам садовой дорожкой. Я так и замерла в неудобной позе. Не отрывая рук от своего оружия и испуганно глядя на разъяренного парня снизу-вверх. А Олега просто перекосило:

– Ань, ты рехнулась?! Ты что творишь? Если бы я хоть чуть-чуть позднее отскочил в сторону, ты бы мне проломила голову этим ржавым раритетом!

Из ступора, как ни странно, меня вывела обида на незаслуженное оскорбление моей чугунной подруги:

– Кочерга не ржавая!

– То есть, мне сейчас должно было стать легче, что меня чуть не настигла безвременная кончина не от ржавой кочерги, а от обычной! Ну надо же! – Олег был зол. А я не понимала, на что он злится.

– Ну я же не специально! К тому же, я не думала, что это ты.

Олег замер на месте, смешно выпучив глаза. А через секунду, презрительно прищурился и прошипел:

– Не понял. Кого ты в мое отсутствие сюда водишь? Стольким уже успела наставить рога, что приходится кочергой обороняться? Ах, ты!...

Олег сделал в мою сторону стремительный шаг. А я испуганно отпрыгнула назад, вновь поднимая над головой свое оружие. Такого Олега я не знала. И

очень боялась:

– Не подходи! А не то я уже сознательно опущу кочергу на твою дурную голову!

Парень замер в метре от меня. На его лице медленно проступало брезгливое выражение пополам с ненавистью. А я смотрела на эту красивую маску, искаженную отвращением, и с ужасом спрашивала себя, как я могла быть так слепа. Не знаю, что удерживало Олега рядом со мной. Но любовью, как он меня уверял, тут точно не пахло.

Я медленно опустила кочергу и устало выдохнула:

– Уходи, Олег. Думаю, ты прекрасно понимаешь, что возвращаться тебе сюда больше не стоит.

Хотела еще добавить, что все что произошло между нами, я буду помнить только с хорошей стороны и не держу на него зла, но парень вдруг выпрямился и посмотрел на меня ледяным взглядом. Я даже поежилась от арктического холода в его глазах.

– Вот так, значит? Вот как ты запела? Ну и черт с тобой, дура! Туда тебе и дорога!

Олег зло сплюнул мне под ноги, повернулся и размашистым шагом пошел в сторону калитки. Я проводила его взглядом. И только после того, как щеколда на захлопнувшейся калитке встала на место в свой паз, обессилено уронила кочергу. А потом и сама опустилась на мокрые холодные камни садовой дорожки.

Во мне все буквально дрожало от пережитого. Но глаза оставались сухими. Не было сил не то, что шевелиться, а даже дышать. Боль и горечь меня переполняли. Рвались изнутри штормовой волной. Но обвинять в произошедшем было некого. Виновата во всем сама. Знала же, что наши отношения не навсегда. И подозревала, что все не просто так. Но как телок на закланье, покорно шла туда, куда вел меня Олег. От осознания собственной никчемности меня затрясло.

Я обхватила себя руками, давясь сухими спазмами. И ощущая себя такой одинокой. Безумно одинокой. Как песчинка, затерянная на просторах вселенной. Не было никого во всем мире, способного пожалеть меня. Ни мамы. Ни папы. Ни тети. Ни бабушки. Никого. Я была совершенно одна.

Порыв осеннего ветра прошелся по моим плечам. И я вздрогнула от внезапно появившегося ощущения тяжести чьей-то руки. Рядом взметнулись и тяжело опали на землю прелые листья.

– Держись, девочка. Ты все правильно сделала. Но тебе придется быть сильной, чтобы выжить. Слушай свое сердце. Оно плохого не подскажет.

Ветер в последний раз прошелся по веткам старой абрикосы, что росла возле дома. И ощущение чужого присутствия пропало. Я снова была одна. Только на дорожке у моих ног, рядом с кочергой, лежал тетин медальон. Тетя Маша раньше никогда его не снимала. Но в начале лета, почти сразу после знакомства с Олегом, она его где-то потеряла. И вот теперь медальон самым странным образом появился на садовой дорожке, тускло поблескивая разорванной цепочкой.

Глава 4

Поминальный обед прошел мимо меня. Ну то есть, я что-то готовила, накрывала на стол, встречала тетинных подруг и даже о чем-то с ними разговаривала. Но произошедшая нелепая ссора с Олегом заслонила для меня все. Даже ночной кошмар поблек. Умом я понимала, что рано или поздно нечто подобное все равно бы произошло. Слишком уж разными мы были. Но сердце отказывалось верить. А душа не хотела принимать. Хотя, скорее всего, мне просто страшно было остаться совсем одной. Абсолютно никому не нужной. У меня ведь даже близких подруг не было. Так, пара знакомых, с которыми я иногда по месяцу не общалась. Не было даже работы. Так что я оставалась почти в вакууме. И одиночество очень страшило. Хотя, я очень надеялась, что работа у меня появится если не завтра, то в самые ближайшие дни.

На этой полупозитивной ноте я вынырнула наконец из своих мыслей. Тем более, что обед подошел к концу и женщины дружно поднялись из-за стола. То же вот

странность. Тетины подруги пришли все вместе, под предводительством сухощавой и прямой, как палка, Веры Павловны. Я точно знала, что этой женщине, а бабушкой ее назвать язык не поворачивался, было семьдесят восемь лет. Но глядя на нее, больше пятидесяти пяти-шестидесяти лет ей бы никто не дал. Лицо гладкое, почти без морщин. Глаза ясные. Взгляд цепкий. А уж ее осанке точно бы позавидовала английская королева.

Вера Павловна первой вошла в дом. Первой села за стол. Ей первой предложили поминальное коливо. А теперь она первая встала из-за стола и пошла к выходу. Остальные, как цыплята за квочкой, потянулись следом. У порога она же первая подошла ко мне прощаться. Взяла обеими руками за плечи и с высоты своего роста пытливо заглянула мне в глаза:

– Держись, девочка. Твоя тетя была замечательным человеком. Жаль, что не берегла себя и так рано нас покинула. Но она по-прежнему жива в наших сердцах и наших мыслях. Пока живы мы, будет жить и она.

Толпа пожилых женщин за спиной Веры Павловны дружно и едва слышно выдохнула: «Аминь!» И это короткое слово совершенно неожиданно заметалось над нашими головами обезумевшим эхом, словно шепот осеннего ветра. Я замерла, напряженно прислушиваясь. Неужели у меня галлюцинации? Ведь так не может быть. Эхо бывает там, где есть большое пустое пространство, ограниченное какими-либо стенами. Но эхо на обычной улице с одноэтажными домами противоречит всем законам природы.

Вера Павловна еще немного подержала меня за плечи, все так же пристально вглядываясь мне в глаза. А потом отпустила так внезапно, что я едва не пошатнулась. Но изумленно застыла, когда Вера Павловна повернулась к своим товаркам и резко бросила:

– Начинаем. Быстрее! У нас очень мало времени. Не знаю, почему отсутствует чистильщик. Но он может появиться в любую минуту.

То, что случилось в следующую минуту, повергло меня в такой глубокий шок, словно передо мной появился сам Валуев и начал танцевать танец маленьких лебедей. Пожилые женщины рассредоточились перед крыльцом в одном им ведомом порядке. Мгновенно у каждой из них в руках появилась маленькая черная свечечка. И каким-то странным синхронным образом они их все разом

зажгли. И тихонько запели.

Я ошарашенно таращилась на весь этот балаган, почему-то не имея силы даже моргнуть. Только смотрела и слушала. Да и то, не понимала, что слышу. Слова песни были странные, не похожие ни на один язык. Впрочем, это вполне могло быть какое-то особо редкое индийское или китайское наречие. А я явно не была полиглотом.

Стоять пришлось довольно долго. У меня даже спина затекла и ноги онемели. А горящие свечи истаяли на три четверти. К счастью, сегодня было не очень холодно. Иначе, воспаления легких мне не миновать. Хватит того, что утром на холодных камнях посидела. К тому же, как только Вера Павловна прикоснулась ко мне, у меня на груди разгорелось маленькое солнышко. И только через несколько минут после того, как женщины начали петь, я сообразила, что за солнышко меня согревает. Это был тетин медальон. Который я нацепила на шею, связав ниткой порванную цепочку.

Наконец женщины перестали петь. Свечи у них в руках почти истаяли. Некоторые из тетиних подруг обессиленно прислонились к своим товаркам. И абсолютно все выглядели не просто усталыми, а буквально изможденными.

Но Вера Павловна и тут не дала им прохлаждаться. Бросив очередной цепкий взгляд на меня, она повернулась к своим поделницам:

– Уходим. Девочка скоро очнется. Помнить о ритуале она не будет. Только, что попрощалась с нами, устала и легла спать. И все. А завтра начнет жить обычной жизнью.

Женщины повернулись и гуськом, дисциплинированно, потянулись к выходу со двора. Походка у многих была скованной. Шаги неловкими. Как будто земля под ними шаталась. Из всех одна только Вера Павловна сохранила царскую осанку и твердую поступь. И не выказывала признаков усталости.

Подвижность ко мне вернулась сразу, как только тетини подруги скрылись из виду. Но прогноз Веры Павловны не оправдался. Спать я не хотела. Вместо этого я долго, кусая от неудовлетворенного любопытства губы, рассматривала пяточок, на котором стояли женщины. Вроде ничего необычного. Все та же дорожка. Те же клумбы, укрытые облетевшей листвой. Но я почему-то

безошибочно находила те места, где кто-то стоял. Хотя внешне не было никаких признаков. Да не могла себя даже заставить наступить на них. Или войти внутрь невидимого периметра. Так, безрезультатно покружив над местом странного обряда, я и ушла в дом ни с чем.

А ночью пошел сильный дождь.

Утром умытая дождем улица встретила меня хмурым недоверием. Словно ожидала от меня какой-то пакости. Я, верная данному самой себе слову, вышла из дома достаточно рано. Около девяти часов. Рассудив, что пока я доберусь в центр, хозяева бутичков и магазинчиков тоже уже проснутся. Мое намерение найти работу сегодня же было твердым, как гранит.

К моему несказанному счастью силы ночного ливня не хватило, чтобы превратить иссохшуюся землю в полноценное болото. И до остановки общественного транспорта я добралась с минимальными потерями в виде прилипшей к подошве земли. На этом мое везение закончилось.

Час пик уже давно был позади, но редкие автобусы были переполнены. И не останавливались. Кое-как впихнувшись в третий по счету, я замерла в такой немислимой позе, что любая приличная змея обзавидовалась бы. Вздох давался с трудом, так меня стиснули со всех сторон. Единственный плюс такой поездки состоял в том, что как бы водитель не испытывал на прочность тормоза, падение мне все равно не грозило.

Из автобуса на нужной мне остановке я не вышла, а вывалилась. Мельком порадовалась, что моя старенькая курточка оснащена молнией. Так как моя сестра по неудачной поездке не досчиталась фигурной пуговицы на модном пальто.

Дальше тоже было все увы не радужно. Хозяева маленьких магазинчиков на колхозном рынке не горели желанием брать меня на работу. По сути, я нашла всего пять открытых вакансий. От одной отказалась сама и сразу. Открытый лоток со всякой мелочевкой, где товар был защищен только рыболовной сеткой, просто рай для воров. Работать на возмещение недостатков не хотелось. Вторая вакансия оказалась в магазине у небезызвестной мне Лидии Васильевны. Я

обошла его по дуге, позволив себе гнусенько похихикать в душе. В дверях магазина стояла сама хозяйка. Видно, всех продавцов разогнала. И теперь вынуждена была работать сама. Еще одна вакансия оказалась в шикарном магазине дорожной итальянской одежды. Хозяев там не было. Разговаривать со мной вышла администратор. Я только взглянула на холеное девичье лицо, искривленное брезгливой гримасой, как сразу поняла, что мне не стоит даже мечтать о работе тут. И точно. Задав мне для проформы пару вопросов о моем прошлом опыте работы, администраторша с притворным вздохом сожаления сообщила, что мой опыт не годится для работы с таким деликатным и дорогим товаром. На двух оставшихся точках, со средней руки обувью и детской одеждой, уже набрали стажеров. Меня записали, и сообщили, что при необходимости, мне позвонят. Мельком взглянув на длинный список желающих, я поняла, что мне вряд ли тут что-то светит.

На поиски я убила почти пол дня. И безрезультатно. Я плелась в жиденьком ручейке покидающих рынок и печально размышляла, где можно еще поискать работу такому человеку, как я. Имеющему не очень привлекательную внешность. Мизер офисных навыков, приобретенных на работе в районной библиотеке. И минимум опыта современных реалий. Короче, неудачнице. Которая к тому же желает зарплату, на которую можно прожить. Хотя бы впроголодь. Впереди меня еле передвигали ногами две кумушки, нагруженные тяжелеными сумками, и оживленно болтали. Уловив заветное слово «работа», я поневоле стала прислушиваться:

– ...ой, и не говори! Сейчас с работой туго. Особенно, если деньги платят. Моя Настя четыре месяца искала, пока пристроилась. И то, обещали одно, а на деле выходит совсем другое. Зарплата ниже. А задерживается почти каждую смену.

– А! Так она у тебя все-таки выходила себе работу? И где же пристроилась?

– Да рядышком!

Одна из кумушек кивнула влево. И я вместе с ее подругой посмотрела в ту сторону. Там высился новенький торгово-развлекательный центр «Радуга». Он начал работать не более пары месяцев назад. Я приуныла. Вряд ли я там себе найду работу. Но попробовать мне никто не мешает. С этими мыслями я поотстала от болтливых подружек и свернула к торговому комплексу.

Грохочущая музыка и блеск новеньких витрин меня буквально ослепили и оглушили. Туда-сюда перемещались люди. Поодиночке и группами. Шикарные витрины почему-то мне напомнили тетины любимые телесериалы. Слегка одуревшая, я с разинутым ртом изучала все это торговое великолепие, пока меня кто-то не пихнул безжалостно в спину. Сопроводив злобным шипением: «Ворона!» Только тогда я нашла в себе силы сдвинуться с места и робкими шажками пошла вглубь.

Очень быстро я напрочь утратила направление, в котором стоило двигаться. Магазины были расположены как-то странно. С виду бессистемно. На пути то и дело попадались одиночные зеркальные колонны. В голову закралась мысль, что я зря сюда пришла. Я дороги тут не вижу. Не то, что объявления о поиске сотрудников. Что я тут могу найти?

Свернув в очередной раз за угол очередного великолепного бутика, я приняла решение искать выход. Нечего без толку тут бродить.

Но решить куда проще, чем сделать. И я потратила еще с десяток минут, пока нашла указатель «Выход». Теперь самое главное, чтобы этот «Выход» действительно указывал на выход. А то буду тут бродить, как гость с юга в одном старом советском фильме*, который обожала моя тетя. Повернув в ту сторону, куда указывала заветная стрелка, я остолбенела в первый момент. А потом резво отскочила за ближайшую зеркальную колонну. Надеюсь, меня не заметили. Очень осторожно я выглянула из своего укрытия. И перевела дух. Не заметили.

В метре от меня Олег увлеченно целовал какую-то худющую рыжую девицу.

*Имеется ввиду фильм «Чародеи»

Такой поцелуй даже не в каждом фильме увидишь. Это не целомудренный чмок в щечку. Я стояла и смотрела, как мой Олег жадно впивается в чужие губы. Как отчаянно стискивает подружку в объятиях. Смотрела на их закрытые глаза и покрасневшие лица. Как его руки бесцеремонно шарили по ее телу. Смотрела и понимала, что Олег уже не мой.

К горлу подкатил комок горечи. Зачем я только пошла в этот торговый центр? Лучше бы оставалась в неведении. Не было бы сейчас так больно и тошно. Я попятилась, с намерением тихонечко скрыться. И натолкнулась на кого-то спиной:

- И...

Когда ты оборачиваешься с намерением извиниться за какие-то свои не совсем удачные действия, а тебе закрывают ладонью рот, то это шок. Особенно, если ты ничего подобного не ожидал. Я вся просто заледенела от неожиданности и нахлынувшего чуть позднее страха. Над ухом раздалось едва слышное:

- Тссс! Я не причиню тебе вреда. Не шуми. А то чистильщика спугнешь. Я сейчас уберу руку, хорошо? А ты побудь хорошей девочкой и помолчи. Можешь даже уйти. Но тихонько.

У меня была возможность только кивнуть. Что я и сделала, кося глазами и пытаюсь рассмотреть своего пленителя. Уж очень голос мне показался знакомым. За спиной раздался тихий и бархатистый смешок. Рука с моего рта исчезла. И я, пользуясь появившейся свободой, быстренько обернулась. Ну в самом деле, чего перепугалась посреди огромной толпы людей? Что он мне тут сделает?

В тот момент, когда я встретилась с ним глазами, нас словно волшебным стеклянным колпаком накрыло. Гул толпы сначала отдалился и стал почти не слышным. А потом звуки умерли совсем. Будто мы остались вдвоем. А вокруг нас завертелся какой-то странный цветной хоровод. Возможно, из цветов. Я не могла рассмотреть боковым зрением, а отводить взгляд не хотела.

Даже не так. Было выше моих физических сил оторвать взгляд от его колдовских глаз невероятно зеленого цвета. Если бы был в природе зеленый бриллиант, то он выглядел бы именно так. Неимоверно чистого, роскошного зеленого цвета, с пляшущим где-то в глубине дьявольским огоньком. И на этот лукавый огонек я устремилась мотыльком. Не думая, что потом случится с моими крыльями.

Сказочный момент все длился и длился. И мне безумно не хотелось, чтобы он заканчивался. Но стоящий передо мной мужчина вдруг насторожился. А в

следующую секунду сделал стремительный шаг вперед, прижимая меня спиной к зеркальной колонне. Я не успела ни возмутиться, ни понять, что происходит. Когда совсем рядом, сбоку от колонны, послышался до боли знакомый голос Олега с молящими нотками:

– Ирунчик, ну потерпи еще совсем чуть-чуть! Осталось совсем немного, и я буду свободен!

Ирунчик ответила достаточно раздраженно:

– Олег, я устала тебя делить с этой бесцветной молью! Неужели ты думаешь, что мне это приятно? Или, может, ты от этой ситуации кайф ловишь?

Олег возмущенно фыркнул:

– Издеваешься? Ты же знаешь, что эта чувырла с гордым именем Анна для меня только задание!

У меня даже дыхание перехватило от возмущения! Чувырла? Задание?! Ну я ему сейчас устрою!

Я не стала задумываться над тем, что может означать слово «задание». И какие могут быть последствия. Я услышала только нелестный эпитет в свой адрес. И просто вскипела от злости. Мне хотелось хорошенько проредить Олежику его шикарную шевелюру. А еще я бы не отказалась пройтись ногтями по его наглому физиономии. Жаль, что маникюра нет. О своем невольном соседе по подслушиванию я забыла напрочь. Хорошо, что он был куда спокойней и собранней меня.

Чужие руки поймали меня уже буквально в полете. В последнюю минуту. Меня снова притиснули к колонне. И, совершенно не церемонясь, снова зажали рот ладонью. Я оказалась словно в стальном капкане. Не вздохнуть, не шевельнуться, ни слово сказать. Пришлось продолжать подслушивать:

– А почему это задание дали именно тебе?

Из-за колонны донесся какой-то непонятный звук. Словно Олег с досадой сплюнул. Ну не будет же он взаправду плевать на чистый пол торгового центра?! Или будет? Я замерла, начиная потихоньку осознавать, что тот Олег, с которым я полгода делила постель и тот, который стоит сейчас в непосредственной близости от меня за колонной, совершенно разные люди.

– У нас был только один шанс подобраться к старой ведьме. Осечек быть не должно было. На общем собрании решили, что самый реальный шанс – это ее племянница. Благо, что дура дурой. Ну а, чтобы все получилось с одного раза, выбрали самого красивого и перспективного в плане соблазнения. То есть, меня. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что особо напрягаться и не пришлось. Она и так на все была готовая. Ты же ее видела? Какой нормальный мужик ее просто так захочет? Не то, что ты у меня!

Деваха хмыкнула. Раздались характерные чмокающие звуки. Парочка опять целовалась.

Мне стало до крайности неприятно. И больно. И так хотелось сбежать отсюда куда-нибудь подальше. Как можно дальше. На Северный полюс, например. И почему их никто не шуганет за неприличное поведение в общественном месте?

Спустя некоторое время, которое мне показалось вечностью, разговор возобновился. Олег видимо постарался. И теперь голос Ирунчика звучал томно-сочувственно:

– Бедненький ты мой! И как же ты с ней?..

От многозначительной интонации девицы меня опять затошнило. Но в следующую секунду тошноту смыла злость. Олег весело ответил:

– Да просто представлял, что я с тобой! Ты же у меня самая-самая-самая!

Я даже глаза прикрыла, чтобы справиться с собственными чувствами! Значит, он со мной в постели представлял другую? Кровь в моих венах буквально вскипела. Я дернулась. Но меня только еще сильнее стиснули. А над ухом раздалось едва слышное:

– Потерпи. Давай еще послушаем. Может, этот болтун что-то про их планы расскажет. И не волнуйся! Он получит сполна! И за все! Обещаю.

Последние фразы, сказанные очень обиденным тоном, почему-то ледяной волной прошлись у меня по спине. Я замерла. Как раз вовремя, чтобы услышать:

– И долго еще тебе выполнять это «задание»? Я ревную, между прочим!

Олег ответил неожиданно серьезным тоном:

– Я пока не знаю. Думал, что все зачистим в ночь багровой луны. Но старший вдруг захотел отобрать у ведьм их силу. Накрыть бы их в доме, когда поминали старуху. Да белый день на дворе! Любопытных глаз многовато. Замучаешься потом оправдываться. К тому же, из главного офиса пришло распоряжение, чтобы все было тихо. Зачистки должны быть быстрыми, бесшумными и замаскированными под несчастные случаи и естественную смерть. Чтобы никаких расследований. Так что понадобится некоторое время. Сначала всю эту клоаку вычистим. А потом уже будем с Анькой что-то решать. Она-то человек. Силы в ней нету ни капли. Но она из ведьмовского рода. И у нее может родиться ведьма. Так что у нас голоса разделились. Одни за то, чтобы и ее зачистить. А вторые считают это неоправданной жестокостью. Решили пока все оставить, как есть. Потом разберемся. А то мало ли. Вдруг у нее от потрясений проснется сила? Хоть капелюшечка! Тогда можно будет с чистой совестью отправить ее к товаркам. Так что, Ирусь, нам пока видеться не стоит. Я с Анькой вроде как поругался. Но мало ли. Может, понадобится к ней вернуться. Если она меня нечаянно с тобой увидит, то все. Пиши – пропало. Больше к себе не подпустит. Она в некоторых вещах до ужаса правильная. Придется нам с тобой еще немного помучиться. А потом поженимся. И все. Я уже буду не пригоден для полевых работ. Пусть другого лоха для этих целей ищут.

В последней фразе Олега прозвучало откровенное веселье и предвкушение. А у меня по щекам потекли слезы. И было даже не жаль свою никчемную жизнь, над которой по-видимому нависла нешуточная угроза. Мне было больно от того, что во мне так и не разглядели женщину. Что я всего лишь «задание». А еще, что стану причиной смерти тетиных подруг. Об этом Олег в открытую не говорил. Но как еще можно было истолковать его слова?

Чужие прохладные пальцы прошлись по моим щекам, стирая мокрые дорожки. Я опять забыла, что стою тут не одна.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы справиться с подступившими слезами, нахлынувшей болью и обидой. А когда я наконец проморгалась, то увидела, что мой компаньон по подслушиванию напряженно смотрит в ту сторону, куда указывает стрелка с вожделенной надписью «Выход». Его взгляд в тот момент напоминал алмазный резак, способный резать стекло. Еще немного – и все зеркальные колонны рухнут! Не хотела бы я быть тем, на кого эти невероятные зеленые глаза посмотрят с такой убийственной яростью. В голове всплыла прочитанная где-то ранее фраза: «Если бы взглядом можно было убивать». И я ее невольно продолжила: «...то здесь бы уже все было завалено трупами.»

Неожиданно меня неласково дернули за плечо:

– Уходим! Немедленно!

Вырванная из своих мыслей, я растерянно оглянулась. Но не заметила ничего ужасного или необычного. Может, он старого недруга встретил?

Я бы, наверное, так и осталась стоять, оглядываясь по сторонам, но мой компаньон не дал мне даже секунды на принятие решения. И, все так же крепко удерживая за плечо, потащил за собой. Хотя нет, не потащил. Я не сопротивлялась. Покорно плелась туда, куда вели, путаясь в собственных мыслях. Но, когда мы поворачивали за угол, я все же обернулась на мгновение. Рядом с Олегом и его девицей стояли три крепких мужика в возрасте. Один из них, почти полностью седой, что-то яростно выговаривал Олегу. Его лицо некрасиво сморщилось от бешенства. А правая рука безостановочно ерошила седую шевелюру с несколькими темными волосками. Видимо, в молодости мужчина был жгучим брюнетом. Олег понуро молчал. А во мне тут же взметнулось не здоровое любопытство. Кто это? Отец Олега? Его начальник? Или отец девахи, с которой Олежик так неосмотрительно зажимался у всех на глазах.

Торговый центр был трехэтажным. И мой компаньон привел меня на самый верхний этаж. Здесь было не в пример тише. И очень малоллюдно. Впрочем, толком я ничего не успела рассмотреть. Меня мягко за плечи повернули направо

от эскалатора. Взгляд уперся в широкую раздвижную дверь из темного дымчатого стекла, всю в затейливых морозных узорах. Над дверью витиеватая надпись гордо сообщала, что мы пришли в ресторан «Седьмое небо». Весьма претензионное название. И я была почти уверена, что оно не соответствует внутреннему наполнению. Но смущало не это. А то, что одета я была явно не для ресторана.

Несмотря на то, что я ни разу в жизни не посещала заведения, круче кафе «Лотос», в трех кварталах от дома, где подавали только растворимый кофе и чай в пакетиках. И с кухни частенько тянуло прогорклым маслом. Об этой «интересной» детали мне рассказала Ольга, одна из моих напарниц в обувном магазине. Она некоторое время подрабатывала в этой забегаловке подсобным рабочим. То есть, была девочкой «куда пошлют». Так вот, не смотря на полное отсутствие «светской жизни», я все же понимала, что мои старенькие дешевые джинсы, растянутый свитерок и стоптанные кроссовки совершенно не подходят для посещения подобных мест. Тем более, в компании шикарных мужчин.

Я украдкой покосилась на своего спутника. У колонны я его толком не рассмотрела. Все мое внимание было целиком и полностью отдано бывшему парню. А вот теперь я с затаенным восторгом рассматривала все, что только могла.

Темные, слегка вьющиеся волосы лежали в таком живописном беспорядке, какой я видела только в кино. У актеров, играющих мультимиллионеров. На щеках модная небритость. Уже знакомые пронзительно-зеленые глаза в обрамлении таких шикарных ресниц, что любая модница удавится от зависти. И почему такие ресницы достаются исключительно мужикам? Шею обнимает белоснежный и, похоже шелковый, шарф. Темное пальто ниже колен.

– Нравлюсь?

Насмешливый мужской голос словно кипятком меня окатил, вырывая из страны грез. Я от души обругала себя, проклиная за неуместное любопытство. Ничему тебя, Анечка, жизнь не учит. Мало тебе Олежика! Теперь вообще на какую-то залетную птичку из чужой мечты ротик разинула!

Смущенно опустив глаза, я не знала куда деть руки и что говорить. Опозорилась, так опозорилась!

– Или я рога плохо спрятал?

– Ккакие рога?

Я была настолько ошарашена, что непроизвольно вскинула взгляд. На моих глазах мужчина небрежно взъерошил себе волосы. Пощупал голову. И недоуменно сказал, как будто сам себе:

– Да нет. Я же их вчера спилил. – Зеленые глаза с ехидной насмешкой впились в меня. – Или на мне узоры проступили? Грим плохой?

Он тут же обернулся, словно в поисках зеркала. Картинно посмотрелся в стеклянную стену ресторана, перед которым мы топтались, вызывая любопытство персонала. Скорчив самому себе пару рожиц, которые мне хорошо было видно сбоку, снова повернулся ко мне:

– С гримом все в порядке. Значит, возвращаемся к первоначальному варианту. Нравлюсь?

Оторопело наблюдая за его манипуляциями, я на автомате кивнула. Мужчина расплылся в сияющей улыбке:

– Ну сразу бы так! Чего смущаться! – Зеленый глаз насмешливо мне подмигнул. – Пошли внутрь. Хватит уже бесплатный спектаклей для сотрудников.

И я не успела даже вякнуть, замороченная разыгранной сценой, как оказалась у одного из столиков у окна.

В ресторане было пусто. Только на противоположном конце зала пару мужчин в деловых костюмах между ложками с пищей деловито изучали планшеты. Обеденное время уже прошло. Все, кто мог себе позволить поесть в достаточно пафосном на мой неискушенный взгляд месте, уже поели. А до вечерних развлечений еще далеко. Тем более, что посреди рабочей недели особого наплыва вряд ли приходилось ожидать.

Я робко стянула свою потрепанную куртку и оглянулась, силясь придумать, куда ее деть. Не успела я толком изучить величественные кожаные диваны и

стеклянные столы, стоящие на достаточном удалении друг от друга, как курточку попросту выдернули из моих рук. Я вздрогнула и напоролась на ироничный зеленый взгляд:

– Хватит робеть. Тебе никто здесь и слова не скажет. Или хочешь вернуться к выяснению, что во мне не так?

Я отчаянно замотала головой.

– Присаживайся.

Мне кивком указали на ближайший диванчик шоколадной кожи. И я осторожно присела в его уютное нутро. В основном потому, что ноги уже отказывались держать свою непутевую хозяйку. Мой компаньон занял диван напротив.

Как только мы расположились, официант тут же споро начал накрывать на стол, заставив меня удивленно мигнуть. Когда был сделан заказ я не слышала.

Когда передо мной появился маленький горшочек с одуряюще ароматной солянкой, я едва не захлебнулась слюной. Время ближе к вечеру, а я только маленький бутерброд утром сжевала. Желудок позорно оповестил об этом факте весь ресторан. А я залилась краской. Вот стыдобище!

Но на голодную руладу моего бесстыдного органа никто и ухом не повел. Официант удалился, коротко поклонившись, сразу, как только закончил сервировку. Зеленоглазый мужчина напротив меня изящно расправил салфетку и взял в руки ложку:

– Приятного аппетита!

Я, позабыв про голод и дурманяще пахнущую еду, как замороженная наблюдала за его грациозными жестами. Такому научиться невозможно. С таким рождаются. Мужчина напротив меня в один момент из язвительного красавчика вдруг превратился в родовитого аристократа. На его фоне я потерялась окончательно. Почувствовала себя неуклюжей плебейкой. Словно никогда не держала в руках ложку. Даже голод куда-то испарился. Да, Анечка, теперь ты точно знаешь, что чувствовала Золушка, когда встретила принца. Даже

научившись танцевать, натирая полы, манеры и светский лоск не приобретешь.

- Поешь.

От мягкого бархатного мужского голоса я опять позорно подпрыгнула на месте. Хорошо хоть ложки с едой в руках не было. А то опозорилась бы окончательно. Нет, Аня, этот красавец, птица не твоего полета. Пообедай в его компании. Полюбуйся, как на предмет искусства. И забудь. За дверями этого ресторана ваши пути разойдутся.

Неожиданно остро кольнула иголочка разочарования. И отчаянно захотелось, чтобы с окончанием обеда сказка не заканчивалась. Я решительно схватила ложку и сконфуженно пробормотала, подражая ему:

- Приятного аппетита!

Первая ложка солянки почему-то имела горький привкус разочарования. Но я ее мужественно проглотила. И чуть не подавилась, когда услышала сказанное все тем же бархатным голосом:

- Кстати, меня зовут Алекс. Давай сначала спокойно поедим. А потом уже обсудим ситуацию.

Глава 5

Аппетит пропал окончательно. Я больше думала, чем ела, вяло барахтая ложкой в горшочке. Забытая солянка обиженно стыла.

- Не вкусно?

Да что ж у него голос такой шикарный?! Прямо, как дорогое вино. Которое я, к слову, никогда не пробовала. Я осторожно покосилась сначала на собственный не заслуженно забытый горшочек. Потом на Алекса. Он в этот момент как раз ложку с едой в рот отправил. Так изящно-небрежно. Как скрипач-виртуоз смычком взмахнул. Мне так никогда не научиться.

Я решительно вцепилась в ложку:

- Вкусно. Спасибо. Я просто задумалась.

И тут же запихнула в рот полную ложку. Чтобы не было соблазна ляпнуть что-то еще. Выходящее за рамки простой светской беседы.

Солянка действительно была очень вкусной. И я забыла обо всем на свете уже после второй ложки, наслаждаясь неожиданным гастрономическим раем. Горшочек быстро и радостно подмигнул мне пустым доньшком. А я чуть не ляпнула: «А что, уже все?». К счастью, расторопный официант убрал наши горшочки, заменив их на блюда с отбивной и салатом.

- Если захочешь, еще будет десерт. На меня не смотри. Я ненавижу сладкое.

В полном изумлении я подняла глаза на Алекса. Он как раз вооружился ножом и вилкой.

- Совсем?

- Не люблю сладкое? - На моих глазах нож изящным хищным движением располосовал несчастное мясо на мелкие ломтики. - Я же сказал: ненавижу. Предупреждая следующие вопросы: кофе тоже пью без сахара и подсластителей. Черный и обжигающий, как грех.

«Грех» у него прозвучало как-то уж очень интимно-соблазняюще. Я даже слегка покраснела от пришедших в голову образов. Сидящий напротив мужчина весело хмыкнул. Развлекается, гад!

Я тоже схватила столовые приборы, с намерением выместить все свои эмоции на бессловесной отбивной. И тут обнаружилась проблема.

Алекс так легко и непринужденно разрезал свое мясо, что у меня даже тени мысли не возникло, что это сложно. А между тем, нож в мою руку лег. Но с горем пополам. А вот вилка в левой руке...

У меня мгновенно появилось ощущение, что я держу не обычный столовый прибор, а, как минимум, весло. То есть, инструмент для гребли. С которым вообще не умею управляться. Какое уж тут изящество! Кроме того, у меня вместо рук вдруг образовались, ну, наверное, лапки. Которыми априори невозможно держать столовые приборы.

С минуту промучившись с этим пыточным инструментом, я нечаянно поймала презрительный взгляд официанта. Он смотрел на меня так, словно я была мухой на поданном им блюде. От такого взгляда тут же захотелось заползти куда-нибудь подальше. В идеале, под стол. Но я только голову в плечи втянула. И вся, от макушки до пяток, залилась удушливой волной краски.

– Управляющий!

В голосе Алекса слышался жуткий перезвон вечного льда. Пропала вся бархатистость. Я осторожно скосила глаза в его сторону и обомлела. Он сидел, откинувшись на спинку дивана и скрестив на груди руки. И, словно император на холопа, смотрел на побледневшего официанта. Из его глаз сочилась арктическая стужа.

А к нам откуда-то из недр ресторана уже спешил молодой мужчина в строгом костюме в тонкую серую полоску и с темно-вишневым галстуком на светлой сорочке. Не хватало только гвоздики в петлице для полноты образа мафиози. У меня даже глаза непроизвольно выпучились от этой безвкусицы.

Алекс, очевидно, подумал также. Он брезгливо дернул губой и, проигнорировав приветствие работника проштрафившегося общепита, не терпящим возражений тоном потребовал:

– Замените нам официанта!

Я смотрела прямо на ресторанный мафиози, поэтому не могла не заметить, как он вздрогнул от ледяных слов клиента. И не посмел возразить. В течении буквально секунды у нашего стола появилась девушка-официант. Мне стало немного легче. Хотя женщины под час бывают те еще выдры. Но, думаю, теперь никто не рискнет даже мимолетный взгляд на меня бросить.

Ощувив прилив благодарности к странному мужчине, сидящему напротив, я повернулась. И застыла. В глубине колдовских зеленых глаз медленно гасли багровые огоньки. А черты лица заострились. Воздух застрял у меня в горле.

Застигнутая врасплох, я не успела спрятать свою реакцию. Да и не умею я притворяться. Алекс медленно прикрыл веки. Пряча от меня тухнувшие угли дьявольского костра. Над нашим столиком повисла тишина.

Я даже дышать боялась, чтобы не привлечь к себе ненароком внимание. Когда-то на своей прошлой работе я читала, что такое поведение свойственно всему живому. Защитная реакция. Не двигайся, и хищник тебя не заметит. Пройдет мимо. Не сожрет.

В пустоту тяжело падали секунды, складываясь в минуты. Алекс все так же сидел без движения и с закрытыми глазами. Официантка за его спиной буквально распласталась по стене, стараясь стать как можно менее заметной. А я просто сидела, по-прежнему неловко сжимая в руках столовые приборы.

Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем Алекс наконец открыл глаза. Вполне нормальные. Даже без намека на пугающие алые огоньки. И устало повел плечами. Словно сбрасывая с них тяжелый груз.

Усталость сквозила в каждом его жесте. Словно он только что не потребовал официанта заменить, а нес его на своих плечах для обмена. И как минимум, в Китай и обратно.

Я жадно следила за каждым его движением. Но, напорвшись на потухший зеленый взгляд, смутилась. А Алекс выдохнул:

– Ешь давай. И не обращай внимания на глупости. Удобно держать вилку в правой руке – вперед!

Другого благословения мне не потребовалось. Я быстро перехватила вилку поудобнее и впивилась в сочное мясо, больше не обращая внимания на окружающих.

Алекс расправился со своим мясом молниеносно. И попросил повторить. Только на этот раз мясо должно быть едва прожаренным, с кровью. Я мысленно скривилась. Нет, у каждого свои вкусы. Это понятно. Но неужели он не понимает, какой гадости можно наесться вместе с куском сырого мяса? Добавить сюда нежелание поставщиков соблюдать санитарию и температурные режимы... Меня передернуло. Но я мужественно промолчала, терзая собственный кусок и не поднимая глаз.

К тому моменту, когда я все-таки справилась с мясом, Алекс подчистил свою тарелку и аккуратно сложил приборы. Девушка-официант вопросительно на него посмотрела. А я снова поразились той усталости, что теперь сквозила в каждом его движении. И даже голосе, когда он рассеяно отдал распоряжение:

– Принесите нам, пожалуйста, кофе. Для девушки еще сливки и десерт. И счет, пожалуйста.

Официантка упорхнула, словно снесенная порывом ветра. И в считанные минуты перед нами появился кофейник, чашечки, молочник со сливками. А передо мной девушка поставила тарелочку с небольшой горкой самых разнообразных пирожных. Я считала солянку гастрономическим раем? Я ошиблась! Рай ко мне пришел сейчас.

Увы и ах! Я была сластеной. Жуткой. Патологической. Но мне крайне редко выпадала возможность полакомиться чем-то более изысканным, чем обычные вафли и карамельки из супермаркета. Да и те не слишком часто. Наверное, к счастью. Иначе бы я ни в какие двери бы не прошла.

При виде меня, очарованно баюкающей блюдце со сладкими шедеврами, к Алексу даже ненадолго вернулась его веселая язвительность:

– Теперь я понимаю, почему ты сочла кофе без сахара сродни преступлению.

Я невежливо фыркнула, едва успев проглотить кусочек кремового великолепия:

– Да как такое можно не любить? Это же просто сказочное наслаждение!

Алекс язвительно хмыкнул:

– Ага, райское наслаждение. Но у меня есть миллион и один довод против этого наслаждения. И за здоровый образ жизни. Но я не буду портить тебе аппетит. Тебе и так сегодня досталось.

У меня на кончике языка вертелись возражения, что сладости тоже могут быть полезными. Испеченными по канонам правильного питания. Но от последней его фразы все желание спорить улетучилось. А на меня вновь навалились все события сегодняшнего дня. Аппетит пропал. Я решительно отодвинула от себя тарелку. Как ни странно, из всего пережитого меня больше всего волновало предательство Олега. Но обсуждать его с Алексом я не собиралась. Это мое. Личное. И переживать его буду я лично. Одна. И в тишине. Чтобы хоть чуть-чуть отвлечься от накатившей волны боли, я выпалила первое, что пришло на ум:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/serebryanskaya_viktoriya/tarif-na-predatel-stvo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)